

О ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ.

А. ЕВЩЕАГО.

КАЗАНЬ.

Тип. архид. Д. ПОВАЛЬСКИМЪ на Крѣчатинѣ въ д. Дворниства.

1876.

Дозволено цензурой. Кіевъ 4-го Декабря 1876 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
§ 1. Понятіе и виды лицъ, какъ субъектовъ права. Теоріи ученыхъ о юридическихъ лицахъ. Критика ученія Бринца о безсубъектныхъ правахъ	1
§ 2. Юридическія свойства благотворительныхъ учрежде- ній и <i>hereditas jacens</i>	20
§ 3. Корпорации, какъ исключительный видъ юридиче- скихъ лицъ. Сущность понятія <i>corporative Societät</i> . Отличіе кор- порации отъ торговаго и акціонернаго товарищества	36
§ 4. Виды корпораций, какъ юридическихъ лицъ	55

§ 1. Положеніе, что всякое право для своего осуществленія нуждается въ опредѣленномъ субъектѣ, или носителѣ, является основнымъ въ сферѣ юридическихъ понятій. Субъектомъ правъ представляется прежде всего отдѣльный человѣкъ, какъ существо, обладающее всѣми свойствами лица, которое надѣлено способностью самоопредѣленія и возможностью имѣть и выражать правомѣрную волю¹⁾. Но понятіемъ лица не исчерпывается понятіе субъекта правъ—последнее является болѣе сложнымъ: подъ нимъ надо разумѣть лицо правоспособное т. е. признанное положительнымъ правомъ. Такимъ образомъ, понятіе субъекта правъ шире понятія лица, последнее, въ свою очередь, шире понятія отдѣльнаго человѣка. Слѣдовательно, все то, что кромѣ отдѣльнаго человѣка способно имѣть и выражать правомѣрную волю, будетъ называться лицомъ; если, затѣмъ, оно будетъ надѣлено правоспособностью (признано положительнымъ правомъ), то для него открывается возможность приобрѣтенія правъ и обязательствъ, а при осуществленіи этой возможности, оно становится субъектомъ правъ.

¹⁾ Въ дефиниціи Унгера—*Persönlichkeit ist die Fähigkeit, einen rechtlichen Willen zu haben*—пропущенъ весьма важный признакъ въ опредѣленіи личности: возможность выразить правомѣрную волю—*Krit. Ueberh. VI. 158*. Дѣти, безумные и проч., какъ существа неспособныя имѣть и выражать правомѣрную волю, въ строгомъ смыслѣ слова не обладаютъ качествами, необходимыми для понятія лица. Эти индивидуи, даже совмѣстно съ представителями (кураторами), не имѣя способности къ самоопредѣленію, не могутъ назваться лицами въ юридическомъ смыслѣ, но представляютъ только суррогатъ лица.

Мы имѣемъ два рода лицъ—физическія (отдѣльный человѣкъ) и юридическія. Юридическое лицо образуетъ союзъ физическихъ лицъ¹⁾. Необходимость признанія союза физическихъ лицъ за самостоятельное лицо,—признанія, равносильнаго надѣленію такого союза правоспособностью, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Римское право безусловно слѣдовало выставленному началу: оно очень ясно проводило различіе между *universitas* и *corpus*²⁾. *Universitas* означало лишь естественный, фактической субстратъ корпораціи, который только въ слѣдствіе государственнаго признанія возвышается до понятія самостоятельнаго субъекта правоотношеній или *corpus*'а; слѣдовательно *corpus* представляетъ признанную государствомъ *universitas personarum*. Но нѣкоторые новѣйшіе ученые считаютъ государственное признаніе корпорацій совершенно излишнимъ въ настоящее время; и если взглядамъ римскаго права слѣдуетъ Савиньи, Пфейфера, Вейско и Сальковскій, за то на сторонѣ противниковъ признанія выступаютъ громкія имена Безелера, Блунтчи, Шюлера и даже Унгера.

По весьма вѣскому замѣчанію Пфейфера³⁾ какъ недостаточно одного государственнаго признанія для того, чтобы простое общество (*Wegeln*) сдѣлалось юридическимъ лицомъ (*Korporation*) такъ, съ другой стороны, безъ такого признанія фактически существующая корпорація не можетъ стать на степень юридическаго лица. Савиньи⁴⁾ счи-

¹⁾ Самый терминъ „юридическое лицо“, является чрезвычайно удачнымъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ, что этотъ субъектъ правъ обязанъ своимъ происхожденіемъ положительному юридическому признанію. См. Цительманъ—*Begriff und Wesen d., sogenannten juristischen Personen*. 1878. § 49.

²⁾ См. Сальковскій—*Bemerkungen zur Lehre v. d. juristischen Personen*. 1863. стр. 25.

³⁾ *Die Lehre v. d. juristischen Personen*. 1847. § 15.

⁴⁾ *System des heutigen römischen Rechts*. B.d. II. p. 277.—*Die Nothwendigkeit der Staatsgenehmigung zur Entstehung jeder juristischen Person hat, unabhängig von politischen Rücksichten, einen durchgreifenden juristischen Grund* Der einzelne Mensch trägt seinen Anspruch auf Rechtsfähigkeit schon in seiner leiblichen Erscheinung mit sich. Wird nun die natürliche Rechtsfähigkeit des

тасть каждое юридическое лицо основаннымъ на фижціи, по которой со-
вокупность физическихъ лицъ или имущество представляется однимъ
лицемъ; оно является исключительно результатомъ государствен-
наго признанія, которое, по мнѣнію Савиньи, основано не только
на политическихъ соображеніяхъ: оно имѣетъ и строго юриди-
ческую почву, такъ какъ въ немъ заключается актъ открытаго
падѣленія юридического лица правоспособностью.

Но противъ высказаннаго Савиньи положенія очень сильно
возражаетъ Блунтшли¹⁾. По его мнѣнію государство вовсе не
является творцомъ юридического лица; дѣятельность государства
въ этомъ отношеніи должна ограничиваться только допущеніемъ
или соизволеніемъ (zulassung, Gewährung) его, и только въ
томъ случаѣ, когда существованіе свободно образовавшагося юри-
дического лица почему либо вредно вліяетъ на поли-
тическую или нравственную жизнь общества, государство можетъ
наложить на него свою руку. Въ подкрѣпленіе своихъ положеній
Блунтшли приводитъ примѣры свободного и безконтрольнаго обра-
зованія юридическихъ лицъ въ средніе вѣка въ Германіи, которые
являлись самыми дѣятельными агентами гражданского оборота, и
за которыми общественная власть только вслѣдствіе одного ихъ
существованія всегда признавала качество субъектовъ права.
Всматриваясь глубже въ сущность возраженій Блунтшли, едва ли
можно согласиться съ тѣмъ, что они дѣйствительно подрываютъ
положеніе, выраженное Савиньи. Послѣдній ученый обращаетъ
свое вниманіе вовсе не на субстратъ юридического лица. Суб-
стратъ корпорации не составляетъ еще субъекта правоотношеній;

einzelnen Menschen durch Fiktion auf ein ideales Subject übertragen, so fehlt jede natürliche Beglaubigung gänzlich; nur der Wille der höchsten Gewalt kann dieselbe ersetzen indem er künstliche Rechtssubjecte schafft, und wollte man dieselbe Macht der Privatwillkür überlassen, so würde unvermeidlich die höchste Ungewissheit des Rechtszustandes entstehen, selbst abgesehen von dem grossen Missbrauch, der durch unredlichen Willen möglich wäre.

¹⁾ Bluntschli.—Deutsches Privatrecht p. 68.

это только его реальная сторона. Но если по отношенію къ физическому лицу самый фактъ его происхожденія, при наличности извѣстныхъ условій, сливается съ моментомъ признанія его правоспособности, то этого никакъ нельзя сказать относительно юридическихъ лицъ; юридическія лица появляются для достиженія извѣстныхъ цѣлей, и хотя необходимость ихъ существованія указывается потребностями общественной жизни, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ санкція государственнаго признанія дѣйствительной необходимости появленія того или другого юридического лица является положительно существенной, и только при такихъ условіяхъ возможно происхожденіе юридического лица, какъ субъекта правъ. Въ этомъ смыслѣ государство является, если не творцомъ естественнаго субстрата корпораціи, то, по крайней мѣрѣ, оно оказываетъ положительное вліяніе на появленіе самостоятельнаго субъекта правъ, какъ это высказываетъ Савиньи. Наконецъ, и самъ Блунтчи не отрицаетъ, какъ это можно видѣть изъ приведенной выше цитаты, государственного контроля въ томъ случаѣ, когда юридическое лицо вредно вліяетъ на общественный бытъ. Гораздо умѣстнѣе перемѣститъ этотъ контроль къ моменту самаго происхожденія юридическаго лица, такъ какъ только при такомъ условіи государство съ одной стороны будетъ содѣйствовать образованію однихъ лишь полезныхъ для общества юридическихъ лицъ, а съ другой—на всегда выйдеть по отношенію къ нимъ изъ положенія полицейскаго агента¹⁾. Эти соображенія достаточно ясно показываютъ, что Блунтчи, такъ сильно нападавая на мнѣніе Савиньи, самъ не отрицаетъ государственнаго признанія по отношенію къ юридическимъ лицамъ, разница только та, что Савиньи требуетъ признанія юридического лица болѣе видимаго—въ формѣ опредѣленнаго акта. Но въ то время, какъ послѣдній ученый не подводитъ субстратъ юридического лица подъ понятіе

¹⁾ Сальковскій.—Bemerkungen zur I. von d. j. Pers. § 4.

субъекта правъ, Блунтчи, какъ мы видѣли, дѣлаетъ эту ошибку ¹⁾).

Между физическими и юридическими лицами распределены все существующія въ гражданскомъ оборотѣ права и обязательства. Но если отрицаніе свойствъ субъекта правоотношеній представляется невозможнымъ по отношенію къ физическимъ лицамъ, очень много основаній можно найти, чтобъ считать сомнительнымъ самый фактъ существованія юридическихъ лицъ.

Достоверность существованія и свойства юридическихъ лицъ, какъ субъектовъ права, представляютъ обширную область для построенія научныхъ теорій. Германскихъ ученыхъ издавна занимало изслѣдованіе этого вопроса, какъ одного изъ труднѣйшихъ и интереснѣйшихъ въ системѣ права. Этими учеными и было построено множество теорій, представляющихъ попытки разрѣшенія вопроса о юридическихъ лицахъ; при этомъ новѣйшіе цивилисты сдѣлали вопросъ о юридическихъ лицахъ предметомъ изслѣдованія безъ отношенія къ какому бы то ни было законодательству, хотя они иногда и останавливаются для подкрѣпленія своихъ выводовъ на примѣрахъ римскаго права. Разсмотрѣніе высказанныхъ учеными теорій должно составить предварительную задачу настоящаго разсужденія.

¹⁾ Весьма знаменательное мнѣніе выражаетъ по поводу признанія юридическихъ лицъ Аренсъ (juristische Enzyklopädie p. 661). Этотъ ученый видитъ въ условіяхъ образованія юридическихъ лицъ результатъ большаго или меньшаго развитія государственной власти! Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, при слабости центральной власти юридическія лица возникали безъ всякаго принятія или контроля со стороны государства; но въ настоящее время это принятіе или допущеніе существованія юридического лица является возможнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнѣ необходимымъ. Форма его различна: оно выражается или въ молчаливомъ признаніи уже фактически существующихъ юридическихъ лицъ или же—въ предшествующемъ самому ихъ образованію опредѣленнымъ актѣ разрѣшенія. Первая форма имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда юридическія лица преслѣдуютъ религиозныя, литературныя или другія общепольныя цѣли, а вторая относится преимущественно къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду исключительно имущественныя цѣли

Тотъ фактъ, что существуютъ права и обязательства, не принадлежащія физическому лицу, не подлежитъ отрицанію. Какъ же смотрѣть на такой комплексъ правъ и обязательствъ? Слѣдуетъ приять одно изъ двухъ положеній или считать ихъ дѣйствительно безсубъектными (subjectlose Rechte), или же считать ихъ принадлежностью тѣхъ субъектовъ, которые по природѣ своей не дойдутъ подъ понятіе физическаго лица. Разрѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ направленіи раздѣляетъ ученыхъ на двѣ главныя группы. Запутанность теоретическихъ возрѣній на юридическое лицо, представится нагляднѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что ученые одной и той же группы мало въ чемъ согласны другъ съ другомъ: писатели, признающіе, кромѣ физическихъ лицъ, еще и другого рода субъектовъ правоотношеній, раздѣляются, въ свою очередь, на двѣ категоріи, смотря по характеру взгляда на природу этихъ субъектовъ, одни¹⁾ считаютъ ихъ фиктивными или вымышленными, другіе²⁾, напротивъ, придаютъ имъ реальное бытіе.

I. Ученые, принадлежащіе, согласно нашему раздѣленію, къ первой группѣ, отыскиваютъ фиктивнаго субъекта тому комплексу правъ и обязательствъ, которымъ обуславливается возможность осуществленія цѣлей, выходящихъ изъ предѣловъ эго-

1) Savigny.—Syst. II § 84. Puchta in seiner Abhandlung. üb. Korpor. Civilist. Schrift. 1.504. Pfeifer—die Lehre v. d. jurist. Pers. § 7—11. Seuffert-Pand. § 50. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и Виндшейда—(Krit. Uebersch. 181.1. и Pand. 1.109), который глубже другихъ объясняетъ необходимость устраненія безсубъектныхъ имуществъ по его мнѣнію ученіе о юридическихъ лицахъ ищетъ психологическія основы, лежащія въ самомъ характерѣ чловѣка, въ его природѣ; такъ какъ у чловѣка есть глубокое влеченіе къ личности и это чувство ищетъ для правъ и обязанностей субъекта въ фиктивномъ лицѣ (хотя фикція въ глазахъ Виндшейда получаетъ своеобразный характеръ).

2) Beseler—syst d. gem. Privatr, Blunschli.—Deutsches Privatr. § 34. Kuntze-Heidclb. Krit. Zeitsch. V. 359. Jhering Geist d. röm. Recht. III. 209. Цѣкоторые ученые отводятъ его теоріи особое мѣсто.

нстических стремлений физического лица. Съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ совокупность физическихъ лицъ корпорація является только представителемъ того невидимаго субъекта, объясненію свойствъ котораго будетъ носить уже трансцендентальный характеръ¹⁾; самъ онъ, по ихъ мнѣнію, созданъ правомъ для удовлетворенія настоятельнымъ потребностямъ гражданской жизни. Но правовое творчество въ этомъ случаѣ несовершенно— оно, конечно, не можетъ внушить созданному имъ субъекту никакихъ атрибутовъ живаго существа, влѣдствіе чего и юридическое лицо не имѣетъ воли. Пухта²⁾ выражаетъ эту мысль наиболее откровенно; по его мнѣнію *Juristische Personen sind vom Rechte*

Между этими двумя группами слѣдуетъ поставить Арндтса—*Pand. § 42. Унгра—Krit. Ueberch. VI. 157 п. Сальковского—Bemerkung. z. Lehr. v. d. jurist. Pers. 1863. Унгеръ возводитъ на степень фиктивного юридическаго лица его субстратъ—въ корпораціяхъ союзъ физическихъ лицъ (Personenverein), а въ учрежденіяхъ—наличность имущества.*

Арндтс умышленно избѣгаетъ называть юридическое лицо фиктивнымъ, чтобы не дать основанія считать его излишнимъ въ системѣ права (повидимому онъ очень мало придаетъ значенія термину—фиктивное лицо, считая его равносильнымъ—олицетворенію совокупности физическихъ лицъ.

Сальковскій, подобно первымъ двумъ ученымъ подъ понятіе юридическаго лица подводитъ союзъ физическихъ лицъ, представляющій отвлеченную единицу.—*Die Gesamtheit aller jeweiligen Mitglieder, als collective Einheit gedacht im Gegensatze zu den Einzelnen, als für sich bestehenden Personen, Rechte besitzen und erwerben kann.*

¹⁾ *Selbst wenn alle Einzelne, ohne Ausnahme, gemeinschaftlich handeln, so ist dieses nicht so anzusehen, als ob das ideale Wesen, welches wir die juristische Personen nennen, gehandelt hätte. Savigny, Syst. II. 283.*

Въ томъ случаѣ, когда замѣчается отсутствіе физическихъ лицъ, стремящихся къ достиженію цѣлей, какъ задачи существованія юридическаго лица, положительное право, съ точки зрѣнія разсматриваемой теоріи, создаетъ фиктивное лицо для наличности имущества, служащей извѣстной цѣли.—*Stiftungen, ruhende Erbschaft; по относительно ruhende Erbschaft теорія о фиктивныхъ лицахъ не проведена послѣдовательно: согласно ей въ этомъ послѣднемъ случаѣ созданный фиктивно субъектъ или не зависитъ отъ субстрата или фиктивной подкладки того, что въ данномъ случаѣ составляетъ hereditas jacens или, напротивъ, связано съ нимъ неразрывно (Windscheid. Krit. Ueb^{et}sch. 1.181).*

²⁾ *Pand. § 50.*

fingirte Personen ohne Willen. Савиньи ¹⁾ ставитъ юридическое лицо въ этомъ отношеніи на одной степенн съ Unmündigen и Wahnsinnigen.

Теорія о фиктивныхъ лицахъ, представляясь весьма цѣлесообразной въ практическомъ отношеніи, разрѣшаетъ неудовлетворительно вопросъ о существѣ юридическихъ лицъ, такъ какъ она выставляетъ такихъ субъектовъ правоотношеній, которые не содержатъ въ себѣ свойствъ необходимыхъ для понятія лица ²⁾.

II. Другую теорію представляютъ ученые, которые считаютъ юридическія лица реальными существами, а не созданными фиктивно положительнымъ правомъ. Надо сказать, что эта теорія отличается меньшею послѣдовательностью, нежели теорія о фиктивныхъ лицахъ. Впервые она была выражена Безелеромъ ³⁾, но особенно полное развитіе она получила у Блунтчли ⁴⁾. Блунтчли считаетъ фантастическимъ тотъ приемъ, который употребилъ Савиньи при построеніи своей теоріи о юридическихъ лицахъ. По мнѣнію Блунтчли юридическое лицо есть реальный субъектъ правоотношеній. Существо юридического лица, съ его точки зрѣнія, хотя и отличается отъ своего субстрата, но въ тоже самое время является органическимъ и дѣйствительно существующимъ (organisches und wirkliches Wesen), имѣющимъ подобно физическому лицу органы и даже волю.

¹⁾ Syst. II 232.

²⁾ Цительманъ видитъ въ воззрѣніяхъ Randa (Arch. f. Pand. XIV. 4.) и, особенно, Böhlau (Rechts- subject und Personenrolle) представителей особой теоріи о юридическихъ лицахъ. Но взглядъ этихъ ученыхъ, въ силу котораго фактически безсубъектныя имущества, съ юридической точки зрѣнія слѣдуетъ считать какъ-бы принадлежащими физическому лицу (einem menschlichen Subject), стоящему только въ положеніи субъекта, но не являющемуся имъ въ дѣйствительности, весьма трудно понимать, если не считать этихъ ученыхъ послѣдователями теоріи о фиктивныхъ лицахъ Zitelman—Begriff § 5.

³⁾ Volksrecht und Juristenrecht.

⁴⁾ Deutsches Privatrecht.

Высшимъ примѣромъ такого реальнаго бытія юридическаго лица является государство. Что же касается другихъ видовъ юридическихъ лицъ, то Блунтчи, считая и ихъ реальными субъектами, не представляетъ достаточныхъ доказательствъ своего мнѣнія; и надо сказать, что здѣсь и обнаруживается особенно ясно слабая сторона разсматриваемой теоріи. Въ томъ же смыслѣ высказывается о юридическихъ лицахъ Кунце ¹⁾ и Эльверсъ ²⁾. Хотя Кунце реальнымъ субъектомъ правоотношеній считаетъ только корпорации. Учрежденія и другіе виды этого института, по его мнѣнію, представляютъ фиктивные лица.

Можно утверждать, что изъ того же самаго начала, на которомъ стоятъ при разсмотрѣніи вопроса о юридическихъ лицахъ Блунтчи, Кунце и Эльверсъ, выходитъ также и Игерингъ ³⁾. Но тѣ логическія натяжки, которыя позволяетъ себѣ дѣлать этотъ ученый, объясняются исключительно тѣмъ, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко въ своемъ стараніи воздержаться отъ того, что онъ называетъ излишнимъ и безграничнымъ олицетвореніемъ. По мнѣнію Игеринга субъектами правъ корпорации и учрежденій являются члены корпорации и лица, получающія выгоды отъ учрежденія; такимъ образомъ правоспособность не приурочивается къ одному опредѣленному субъекту, но распространяется на отдѣльныхъ индивидуумовъ, составляющихъ въ данное время ту или другую корпорацию, или заинтересованныхъ въ данное время существованіемъ того или другого учрежденія. Эти физическія лица по характеру своего правомочія касательно корпорации или учрежденія разнятся въ своихъ внутреннихъ и вѣшнихъ отношеніяхъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ они являются отдѣльными носителями правъ, а въ послѣднемъ они пред-

1) Krit. Zeitsch. V. 359.

2) Servitutslehre 1.96.

3) Geist. d. R. R. III. 331.

ставляют собою совокупность. Теорія Игеринга имѣвшая въ началѣ своего появленія громаднѣйшій успѣхъ, потеряла теперь свое прежнее значеніе. Фактъ существованія учрежденія, при отсутствіи заинтересованныхъ въ немъ лицъ (Interessenten) въ данное время, не подлежитъ сомнѣнію. Невыдержанность же теоріи Игеринга особенно ясно обнаруживается въ томъ, что этотъ ученый во внѣшнихъ отношеніяхъ объединяетъ, какъ мы видѣли выше, отдѣльныхъ носителей правъ до представленія о коллективномъ единствѣ (Collective Einheit). Справедливы, слѣдовательно по отношенію къ Игерингу замѣчанія Циттельмана¹⁾, который не считаетъ точки зрѣнія Игеринга юридической.

III. Къ ученымъ, допускающимъ существованіе безсубъектныхъ правъ и обязательствъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ отнести Брицца²⁾, Демеліуса³⁾ и Беккера⁴⁾: Съ особенной энергіей возражаетъ противъ ученія о юридическихъ лицахъ Бриццъ, который очень удачно пользуется взглядами Игеринга, Кунце и другихъ ученыхъ для того, чтобы показать, что всѣ ихъ увлеченія и очевидныя уклоненія отъ источниковъ римскаго права происходятъ вслѣдствіе совершенно неправильнаго взгляда—

¹⁾ Begriff § 11.

²⁾ Pandektenrecht—II. 979—1150.

³⁾ Jhering'sche Jahrb. IV. 2.

⁴⁾ Goedschmidtsch. Zeitsch. f. Handels r. IV. 505. Беккеръ является наиболѣе виднымъ послѣдователемъ Брицца. Онъ, однакожь, счелъ нужнымъ различать два вида Zweckvermögen (различая понятіе распоряженія и пользованія правомъ—Verfugen и genuss.)—abhängige Zweckvermögen и unabhängige, смотря потому, составляютъ ли они въ данномъ случаѣ чью либо принадлежность или нѣтъ. Но еще раньше появленія теоріи Брицца, Беккеръ не ограничивалъ сферу субъектовъ правъ одними только лицами, но признавалъ носителями правъ и вещи (Geldpapiere)—B. Jahrb. 295.1.

Попытка Беккера построить теорію согласно съ ученіемъ Брицца и Игеринга, слѣдуя выраженному принципу—Rechtssubject ist also was die Verfügung verleiht, nicht was die Verfügung hat, подверглась достойному осужденію. См. у Циттельмана—Begriff. в. 46.

непрѣменно навязать право опредѣленному субъекту (irgendwem), а не считать ихъ въ извѣстномъ случаѣ служебной принадлежностью той или другой цѣли — Zweckvermögen (für Etwas).

Отбросивъ старое ученіе о юридическихъ лицахъ, Бринцъ строитъ свою теорію, главнымъ образомъ, на томъ, что предполагаетъ существованіе такихъ имуществъ, которыя никому не принадлежатъ (herrenlos), но въ тоже самое время предназначены для постоянного служенія опредѣленной цѣли; такъ что, слѣдовательно, вмѣсто той связи, которая обыкновенно бываетъ между лицомъ, какъ субъектомъ, и правомъ, является другая тоже очень сильная связь права съ опредѣленною цѣлью. Но такъ какъ служеніе той или другой цѣли затрагиваетъ также интересы извѣстныхъ лицъ, то по этому, и по мнѣнію Бринца, отрицать посредственной связи лица съ Zweckvermögen никакъ нельзя. — Nur wäre damit, dass das Zweckvermögen Niemand gehört, nicht gesagt das Niemand Rechte haben könne¹⁾.

Такова логическая схема, которую употребилъ Бринцъ для построенія своей теоріи о Zweckvermögen. Основанія, которыя полагаетъ этотъ ученый для подтвержденія своей основной мысли о служеніи права и вещи опредѣленной цѣли, взяты имъ прежде всего изъ системы римскаго права: „Римское право, говоритъ Бринцъ, имѣло свое раздѣленіе лицъ (personarum divisio), но тѣ главнѣйшіе признаки различія физическихъ и юридическихъ лицъ, которыя ставитъ новѣйшая наука были чужды римскому праву²⁾. За то римляне очень хорошо сознавали различіе между отдѣльными родами вещей, какъ объектовъ права; юристъ Гай подраздѣляетъ всѣ вообще вещи на res divini et humani juris;

¹⁾ Цительманъ вообще пытается доказать, что даже Бринцъ и Беккеръ слѣдуютъ принципу — Kein recht ohne Subject — и только фактически признають существованіе безсубъектныхъ правъ Begriff — 29.

²⁾ Вѣйна также доказываетъ, что римскому праву не были извѣстны фиктивные лица, какъ это думаетъ Савиньи и другіе послѣдователи. Personification theorie Rechts-Subject und Personenrolle.

изъ нихъ вещи перваго рода считались *res nullius*, а втораго бывали обыкновенно принадлежностью опредѣленныхъ субъектовъ, хотя иногда также становились *res nullius*⁴. Бринцъ пользуется этимъ римскимъ *regum divisione* и доказываетъ, что его мысль о *Zweckvermögen* не составляетъ вымысла, но является только лучшимъ юридическимъ обозначеніемъ тѣхъ вещей, которыя были у римлянъ и существуютъ въ новѣйшее время, стоя въ всякой связи съ опредѣленнымъ субъектомъ, служа, однакожь, извѣстной цѣли и подходя подъ римское понятіе *res nullius*. — Второе основаніе для признанія новой теоріи Бринцъ видитъ въ ней же самой, въ необыкновенной ея цѣлесообразности, которая такъ сильно говоритъ о себѣ, что ее, хотя не ясно, сознавали даже ученые, признающіе юридическія лица. Такое, если можно такъ выразиться, инстинктивное согласіе съ своей теоріей Бринцъ видитъ у Исеринга и Пухты; у послѣдняго именно въ его выраженіи — *Bestimmung, die manchen Gütern gegeben ist, für die Zwecke einer Gesamtheit als solcher oder für einen sonstigen über das Interesse bestimmter einzelnen Personen hinausliegenden Zweck, und die es unthunlich oder unpassend, als die zu diesen Gütern Berechtigten die einzelnen natürlichen Personen zu behandeln.* (Pand. § 25). Наконецъ, замѣчаетъ Бринцъ, особенно ясно выступаетъ на видъ связь между обоими теоріями въ сознаніи цѣли, для которой имущество является служебной принадлежностью въ такъ называемыхъ *universitates bonorum* (*piae causae, Stiftungen*). По поводу этихъ послѣднихъ Пухта прямо замѣчаетъ, что въ нихъ сама цѣль разсматривается, какъ управомоченный субъектъ, фиктивно представляющійся отдѣльною личностью. Въ этомъ замѣчаніи Бринцъ видитъ уже положительное согласіе съ основаніемъ своей теоріи, такъ какъ въ этихъ словахъ Пухты выступаетъ признаніе непосредственнаго отношенія цѣли къ имуществу; хотя, однакожь, и Бринцъ не забываетъ, что Пухта стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, раз-

считавая цѣль, какъ субъектъ, доведенный до представленія обь отдѣльномъ лицѣ; такъ что, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Пухты, имуществовное право и въ этомъ случаѣ все-таки принадлежитъ кому-то, а не служить только для чего либо (*irgend wem, а не für Etwas*). Кромѣ Пухты Бринцъ наклоняетъ также Унгера къ признанію своей теоріи. Такое же согласіе съ своей теоріей онъ видитъ у Фитинга и Виндшейда. Такимъ образомъ по мнѣнію Бринца, его теорія подкрѣпляется основаніями, сознанными многими учеными еще раньше его самого. Признаки новости и, вмѣстѣ цѣлесообразности, въ ней заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что Бринцъ считаетъ ту цѣль, для которой назначено имуществовное право, въ такой крѣпкой юридической связи съ этимъ послѣднимъ, какая обыкновенно бываетъ между лицомъ, какъ субъектомъ, и принадлежащимъ ему правомъ. Этотъ ученый, слѣдовательно, находитъ большую близость между старой и новой теоріями: какъ та, такъ и другая признаетъ служеніе права данной цѣли, разница только въ томъ, что въ то время, какъ по прежнимъ воззрѣніямъ праву помимо цѣли придумывали еще фиктивного или даже органическаго субъекта, новая теорія совершенно устраняетъ такіе вымыслы. Это послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ ее, по мнѣнію Бринца, особенно цѣлесообразной; такъ что съ принятіемъ ея очень легко можно избѣжать всѣхъ тѣхъ натяжекъ, которыя дѣлались писателями для уясненія истиннаго смысла въ понятіи юридическаго лица.

Вотъ въ сжатомъ видѣ тѣ основанія и доводы, которыми подкрѣпляетъ Бринцъ свою новую теорію, выразившую очень сильный протестъ противъ ученія о юридическихъ лицахъ. Всмотрѣваясь глубже въ сущность этихъ доводовъ нельзя не замѣтить особенно бросающагося въ глаза противорѣчія, состоящаго въ томъ, что Бринцъ въ одно и тоже время придумываетъ новую теорію о *Zweckvermögen*, замѣняющую ученіе о юридиче-

скихъ лицахъ, какъ совершенно неудовлетворяющее требованіямъ цѣлесообразности правовыхъ понятій, и находить очень много общихъ чертъ между обоими теоріями, какъ это можно было наблюдать въ томъ мѣстѣ его разсужденій, который касались воззрѣній Пухты на *universitas bonorum*. Между мнѣніемъ Пухты, признающаго по отношенію къ *universitas bonorum* субъектомъ определенное фиктивное лицо, какъ результатъ олицетворенія известной цѣли, и мнѣніемъ Бринца, считающаго эту личность имуществомъ только служебной принадлежностью данной цѣли, съ строго логической точки зрѣнія нѣтъ ничего общаго. Разница обоихъ мнѣній вскрывается особенно ясно, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія характера связи имущества съ известною цѣлью или же съ определеннымъ субъектомъ. Определенная цѣль, какъ бы она ни была ясно поставлена, для своего выраженія представляетъ цѣлую сѣть другихъ посредствующихъ цѣлей, которыя и составляютъ въ данное время содержаніе имущественнаго употребленія, такъ что, слѣдовательно, связь известного имущества съ определенной цѣлью является весьма часто разорванной. Она крѣпка только тогда, когда имущество находится, если можно такъ выразиться, въ статическомъ состояніи. Но всякое движеніе этого имущества въ оборотѣ удовлетворенія известной цѣли отодвигаетъ съ юридической и фактической стороны эту цѣль на задній планъ, выставляя цѣли болѣе непосредственныя. Такимъ образомъ, та непосредственная связь имущества и цѣли, о которой такъ много распространяется Бринцъ, постоянно нарушается. Между тѣмъ олицетвореніе цѣли и возведеніе ее даже фиктивно на степенъ субъекта, которому принадлежитъ имущество, имѣетъ глубокую разницу съ назначеніемъ этого имущества для служенія определенной цѣли. Связь, которая устанавливается въ первомъ случаѣ, тверда. Тѣ роды употребленія имущества, которые дѣлаетъ тотъ или другой субъектъ для удовлетворенія цѣлямъ, выставленнымъ его личными потреб-

постями, не смотря на ихъ разнообразіе и многочисленность, несколько не разрываетъ связи, выражающейся въ принадлежности этого имущества его субъекту. Наконецъ, та точка зрѣнія, которую выставилъ Бринцъ, вовсе не ведетъ къ установленію точныхъ и цѣлесообразныхъ юридическихъ опредѣленій, такъ какъ всякое имущество, хотя принадлежащее опредѣленному субъекту, но служащее одной цѣли, должно назваться *Zweckvermögen*. Тѣ имущества, которыя давались государствомъ извѣстнымъ лицамъ въ вознагражденіе за ихъ службу, должны быть названы *Zweckvermögen*; тѣмъ же именемъ надо назвать жалованье, которое платитъ государство чиновникамъ. Наконецъ, безъ особенной натяжки подъ понятіе *Zweckvermögen* подойдетъ всякое имущество которое въ данное время является содержаніемъ извѣстнаго хозяйственнаго употребленія. Разница здѣсь только та, что цѣли въ этомъ случаѣ постоянно измѣняются, но это измѣненіе цѣлей по отношенію къ тому моменту, въ которомъ мы будемъ наблюдать имущество, вовсе не замѣчается. Таковы соображенія, которыя совершенно естественно приходятъ на мысль при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи главнаго содержанія теоріи Бринца. Формулируя кратко неудовлетворительность той точки зрѣнія, на которой стоитъ Бринцъ, слѣдуетъ сказать, что эта точка зрѣнія вовсе не юридическая.

IV. Не можетъ подойти ни подъ одну изъ разсмотрѣнныхъ нами категорій по своимъ воззрѣніямъ на характеръ и свойства юридическихъ лицъ Циттельманъ¹⁾. По мнѣнію этого писателя субъектомъ права является все то, что имѣетъ возможность проявлять желаніе или хотѣніе (*was wollen darf*), такъ какъ самое право въ субъективномъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ юридическое могущество (*Macht*), дарованное объективнымъ правомъ (*Recht im subjectiven Sinne ist eine vom Recht*

1) Zitelmann—Begriff und Wesen d. j. Personen. Стр. 62—116.

im objectiven Sinn verlichene rechtliche Macht). Но понятие субъекта, съ точки зрѣнія Цительмана, является сложнымъ—подъ нимъ надо разумѣть наличность правомѣрной воли (Persönlichkeit) и признаніе ее положительнымъ правомъ (Rechtsfähigkeit). Понятіе тѣлесности (Leiblichkeit) стоитъ въ сторонѣ отъ понятія личности, а слѣдовательно и правоспособности. Сферу юридическихъ лицъ Цительманъ ограничиваетъ только корпораціями, представляющими, съ его точки зрѣнія, не совокупность физическихъ лицъ (Das Substrat der Corporation sind nicht einzelne Menschen) но объединенную въ извѣстномъ направленіи волю членовъ корпораціи—Vielmehr werden nur die Willen der Corporationsglieder geeint und zwar nicht die ganzen Willen sondern nur ihre Willen in einzelnen ihrer gemeinsamen Richtungen und Zwecke oder in einer Gesamtheit derselben. Что-же касается ~~въ~~ Stiftungen и ruhende Erbschaft то субъектомъ по мнѣнію Цительмана—въ отношеніи первыхъ является воля учредителя, а для ruhende Erbschaft—воля наслѣдодателя (Nicht ist der Stifter oder Erblasser, das Subject, sondern nur ihr Wille. Begriff, 73).

Юридическое лицо по опредѣленію Цительмана, составляетъ бестѣлесная воля—Juristische Personen sind unkörperliche Willen. Такова сущность остроумной теоріи Цительмана. Но главный недостатокъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что согласно ей, субъектомъ права надо считать не источникъ воли, способный къ самоопредѣленію и признанный положительнымъ правомъ, но самую волю. Не говоря уже о крайней туманности схѣмы этой теоріи, невыдержимость ея обнаруживается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда право въ одинъ и тотъ же моментъ испытываетъ на собѣ вліяніе выразившейся въ одномъ направленіи воли нѣсколькихъ физическихъ лицъ, какъ это бываетъ иногда въ договорѣ.

Изложивъ теорію, высказанныя ученымъ и цивилистамъ, мы видимъ, что съ перваго взгляда довольно трудно объяснить

сущность и свойства юридического лица, какъ субъекта правоотношеній. Надо, слѣдовательно, сознаться, что тѣ несогласія писателей, которыя мы только-что наблюдали, происходятъ не изъ за какого нибудь маловажнаго признака въ понятіи юридического лица, а основаны на весьма серьезныхъ соображеніяхъ — можно ли признать за той или другой совокупностью физическихъ лицъ свойства, необходимыя для того, чтобы считать ее субъектомъ правъ самостоятельно и независимо отъ составляющихъ ее индивидовъ? Разрѣшеніе этого вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ равносильно жизни и смерти не только для термина юридическое лицо, но и для самаго института; такъ какъ нельзя въ одно и тоже время считать юридическое лицо за самостоятельный субъектъ права и подставлять подъ это понятіе отдѣльные физическіе индивиды (какъ это дѣлаетъ Игерингъ). Подобную подстановку возможно дѣлать только по отношенію къ фактическому соединенію физическихъ лицъ, какъ это бываетъ въ товариществахъ. Здѣсь мы, дѣйствительно никакъ не можемъ возвышаться до понятія объ отдѣльномъ субъектѣ, игнорируя существующую въ данномъ случаѣ наличность физическихъ лицъ. И такъ, мы должны согласиться, что установленіе точнаго понятія о юридическомъ лицѣ, какъ объ отдѣльномъ субъектѣ, возвышающемся надъ составляющими его физическими лицами нужно считать предметомъ вполне достойнымъ изслѣдованія, а не забавой празднои схоластики. Еще римское право, которому обязана наука установленіемъ института юридическихъ лицъ, приложило много старанія для правильнаго уясненія идеи юридического лица. И надо сознаться, что эта идея у римлянъ вышла блестяща. Римскіе юристы очень хорошо сознавали разницу между corpus и societas и проводили ее гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ современные ученые, признающіе свойства юридического лица за акціонерными товариществами. Эти юристы различали, кромѣ того понятіе corpus и universitas. Universitas

означало, по ихъ мнѣнію, только естественный, фактический субстратъ корпорации: союзъ физическихъ лицъ, возвышающійся до понятія *corpus* только влѣдствіе признанія его государствомъ за отдѣльнаго субъекта правоотношеній. Современной наукѣ права остается, слѣдовательно воспользоваться результатами римскаго правовѣдѣнія, чтобы стоять на вѣрной и прямой дорогѣ къ совершенному выясненію вопроса о юридическихъ лицахъ, какъ одного изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ въ системѣ права. Такимъ образомъ, не уничтоженіе юридическаго лица должна имѣть въ виду теорія права, а наилучшее ученіе его природы, такъ какъ она не въ силахъ убить въ гражданскомъ оборотѣ институтъ съ такими жизненными задатками, какимъ представляется юридическое лицо. Современный бытъ выдвигаетъ такія требованія, которыхъ удовлетвореніе запрашиваетъ не одного только имущества но и лицъ, и притомъ, не фактическаго ихъ соединенія, а юридическаго. Разладъ, который хотятъ установить нѣкоторые ученые между теоріей и дѣйствительною жизнью, отбросивъ ученіе о юридическихъ лицахъ, во всякомъ случаѣ не желателенъ для общественной науки, какою является юриспруденція, которая должна дѣлать свои выводы путемъ наблюденія надъ дѣйствительною жизнью.

§ 2. Для того, чтобы правоспособное лицо слѣдалось субъектомъ права, необходимо съ его стороны осуществленіе этой правоспособности, выражающееся въ фактѣ приобрѣтенія объекта или предмета права. Такимъ образомъ, для понятія субъекта права необходима наличность слѣдующихъ условий: 1) правоспособное лицо, 2) объектъ права, 3) тотъ фактъ, съ которымъ связана юридическая принадлежность права извѣстному лицу. Участие воли въ самомъ фактѣ приобрѣтенія объекта права весьма часто можетъ имѣть чисто отрицательное значеніе, выражающееся только въ неотрицаніи этого факта. Но совѣтъ другое значеніе получаетъ воли правоспособнаго лица, когда оно, при на-

личности вышеприведенныхъ условий, въ дѣйствительности ста-
 нутъ субъектомъ права. Въ этомъ случаѣ воля лица дѣйствуетъ
 положительно, наполняя содержаніемъ осуществленіе права; ха-
 рактеръ этого осуществленія опредѣляется въ каждый данный
 моментъ тѣмъ направленіемъ воли, которое получаетъ она со
 стороны своего источника—способнаго къ самоопредѣленію лица.
 Если существованіе субъекта права, какъ источника воли, исче-
 заетъ, прежде чѣмъ объектъ переданъ имъ въ распоряженіе
 другого лица, то право является безусубъектнымъ. Такое состо-
 яніе можно наблюдать только въ случаяхъ существованія такъ
 называемаго лежащаго наслѣдства (*ruhende Erbschaft, hereditas*
jacens). Хотя для устраненія такого невыгоднаго для юридиче-
 ского бытія существованія безусубъектныхъ правъ, законодатель-
 ства принимаютъ извѣстныя мѣры. Что-же касается той налич-
 ности имущественныхъ правъ, которая извѣстна подъ именемъ
Stiftungen (Universitas bonorum), то, какъ мы постараемся по-
 казать, такіа права волею самаго субъекта переданы въ рас-
 поряженіе другого субъекта правъ—государства, какъ юри-
 дического лица ¹⁾.

I. *Stiftung* составляетъ та наличность имущественныхъ
 правъ, которая добровольно приносится первоначальнымъ ихъ
 субъектомъ на служеніе опредѣленной благотворительной цѣли.

¹⁾ Ограничиваютъ сферу юридическихъ лицъ одними корпораціями—
Glück—Comm. Bd. II. § 113 стр. 62. Hopfner Comm. § 61. s. 62. См. также
Thibaut Syst. § 199. 3. (Erst. Aufl.). У Тиллера—System d. bürgerl. Rechts-
lehre и Цейлера—Natürl. Privart. § 153, вовсе не встрѣчаютъ раздѣленія лицъ
 на физическія и юридическія.

Глюкъ соединяетъ съ понятіемъ юридического лица представленіе о со-
 вокупности физическихъ лицъ, соединившихся юридически для достиженія из-
 вѣстныхъ полезныхъ цѣлей и признавшихъ государствомъ за одно цѣлое. Въ
 этомъ опредѣленіи довольно удачно выдержаны всѣ необходимые признаки по-
 нятія юридического лица. Въ немъ, съ одной стороны, отброшено представле-
 ніе о юридическомъ лицѣ, какъ о какомъ то фиктивномъ, и его понятіе привля-

Такая дѣятельность со стороны учредителя, согласованная съ положительными задачами государственной дѣятельности, иногда составляетъ только инициативу основанія благотворительнаго учрежденія, иногда же увеличиваетъ сумму имущественныхъ правъ уже существующаго учрежденія. Дѣятельность учредителя (Stifters) въ обоихъ случаяхъ аналогична съ дѣятельностью капиталиста, отдающаго въ собственность свои имущественныя права предпринимателю для строго опредѣленной цѣли. Настоящимъ субъектомъ имущественныхъ правъ, въ данномъ случаѣ является не капиталистъ, отдавшій съ опредѣленнымъ назначеніемъ свои права, но предприниматель. Точно также субъектомъ того комплекса правъ, которые составляютъ благотворительное учрежденіе, является не учредитель, а государство, располагающее правами, предоставленными ему въ собственность учредителемъ.

зано къ самой совокупности физическихъ лицъ, а съ другой въ немъ выражается необходимость государственнаго признанія для того, чтобы фактическая совокупность физическихъ лицъ была возведена на степень самостоятельнаго субъекта правъ, отличнаго по своей природѣ отъ тѣхъ индивидовъ, которые составляютъ его субстратъ. Намъ кажется, что возраженія Угера—System § 42 стр. 320, что въ дефиниціи Глюка не выдержано отличие *universitas* отъ *societas* вовсе не убѣдительны, такъ какъ Глюкъ указываетъ на государственное признаніе союза физическихъ лицъ, какъ на существеннѣйшее условіе происхожденія юридическаго лица. *Erlaubte Gesellschaft* по мнѣнію Угера, тоже подходитъ подъ дефиницію Глюка, но это только съ перваго взгляда. Надѣленіе правоспособностью корпорации (слѣд.—образованіе юридическаго лица) и чисто нотаріальное (нолицейское) признаніе товарищескаго союза—двѣ вещи совершенно различныя.

Глюкъ не возбуждаетъ также тѣхъ возраженій, какія дѣлаетъ ему Пфейферъ—*Die Lehre v. d. jurist. Pers.* § 7 стр. 21. Пфейферъ видитъ въ дефиниціи Глюка большую неточность, выразившуюся во первыхъ въ томъ, что она исключаетъ изъ сферы юридическихъ лицъ благотворительныя учрежденія, а во вторыхъ, что она сближаетъ два совершенно различныя понятія—правовое единеніе (*rechtliche Einheit*) и юридическое лицо. При этомъ Пфейферъ разъясняетъ, что даже римское право предусматриваетъ много такихъ правоотношеній, въ которыхъ существовало единеніе нѣсколькихъ физическихъ лицъ, такъ что одно лицо заступало мѣсто другихъ, какъ это можно наблюдать въ отноше-

Блунтчи¹⁾ объявляет волю завѣщателя организаторомъ учрежденія, такъ что, по его мнѣнію, та личность имуществомъ, которая составляетъ благотворительное учрежденіе, въ актѣ, выражающемъ *lex foundationis*, испытываетъ постоянное вліяніе воли того субъекта, которому она принадлежала прежде. “ Но подобное объясненіе, не смотря на все свое остроуміе, очевидно не можетъ считаться справедливымъ: воля завѣщателя, какъ бы она ясно ни была выражена и какъ бы подробно ни разрѣшала всѣхъ частныхъ въ устройствѣ учрежденія, не можетъ отрѣшиться отъ условій даннаго времени. Тѣ или другія задачи, составляющіе существенное содержаніе благотворительнаго учрежденія въ моментъ его основанія, могутъ измѣняться или и совершенно исчезнуть съ теченіемъ времени. Самъ Блунтчи сознаетъ это, замѣчая что хотя воля учредителя оказываетъ рѣшительное вліяніе на устройство благотворительнаго учрежденія однакожь, ея опредѣленность не исключаетъ возможности измѣненія

нѣхъ семейныхъ и др.; но, продолжаятъ онъ, никому изъ римлянъ не приходило въ голову считать такія единицы за юридическія лица.—Становится непонятно, почему Пфейферъ желаетъ подвести подъ дефиницію Глюка такія отношенія, въ которыхъ одна личность, какъ бы инкорпорируется другой, существующей самостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, на которые указываетъ Пфейферъ теряются юридически только нѣкоторыя лица, а одно непременно существуетъ самостоятельно, между тѣмъ какъ опредѣленіе Глюка захватываетъ такіе союзы физическихъ лицъ, которые, обладая всѣми свойствами лица, возведены государствомъ на степень самостоятельнаго субъекта правъ. Такая совокупность выступаетъ совершенно отдѣльно и независимо отъ составляющихъ ея членовъ.

Росспитъ—*Civil. Arch. Bd. X. 321* считаетъ благотворительныя учрежденія принадлежностью церкви. См. также—Фритцъ—*Erlaut. I. S. 153* и Вангеровъ *Leitfaden. I. § 60. (Erst. Aufl.)* Росспитъ отрицаетъ также за *hereditas jansen* свойства юридического лица.

²⁾ *Deutsches Privatr. стр. 105.* Еще яснѣе и рѣшительнѣе выражаетъ мысль Блунтчи.—Цительманъ—*Begriff стр. 73;* по его мнѣнію воля учредителя является субъектомъ того комплекса правъ, который образуетъ благотворительное учрежденіе.

устава учрежденія или же и его полного упраздненія, если это впоследствии окажется необходимымъ. Эти случаи измѣненія устава, по мнѣнію Блунтчи, возможно подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) если выполненіе цѣли благотворительнаго заведенія оказывается невозможнымъ, напр. религіозныя учрежденія по всеобщей перемѣнѣ убѣжденій, не только измѣняютъ свои уставы, но и вовсе упраздняются; 2) если цѣль благотворительнаго заведенія не можетъ выполняться только въ извѣстномъ направленіи, то является необходимость измѣненія устава; наконецъ, 3) измѣненіе статутовъ учрежденія можетъ явиться желательнымъ съ цѣлью изъ техническаго усовершенствованія.

Съ другой стороны, тѣ органы административнаго управленія благотворительнымъ учрежденіемъ, которыхъ Блунтчи называетъ *Verwalter und Vertreter*, будучи поставлены въ необходимость выйти изъ опредѣленной для нихъ схемы дѣятельности въ случаяхъ имущественнаго употребленія, должны стать или въ положеніи настоящихъ субъектовъ, или же обращаться за опредѣленіемъ новой схемы къ общественной власти, какъ настоящему хозяину за неизмѣнимъ болѣе близкаго субъекта имущественныхъ правъ учрежденія. Вслѣдствіе всего этого, нельзя, разсматривать благотворительное учрежденіе какъ объектъ, на которомъ постоянно тяготѣетъ какъ бы разъ на всегда выраженная воля субъекта—учредителя и всякая наличность имущества приуроченная къ опредѣленной цѣли хотя бы оставленная частнымъ лицамъ, должна тотчасъ же войти въ составъ государственныхъ имуществъ, а вслѣдствіе этого государство должно являться и организаторомъ всякаго благотворительнаго заведенія въ силу своихъ правъ, по началу частной принадлежности имущества государству, какъ юридическому лицу, и не въ силу его высшаго контроля¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію Пфейфера недостаточно одной только воли завѣдателя для образованія благотворительнаго учрежденія, а для этого необходимо еще уча-

Такимъ образомъ, та личность имуществъ, за которой господствующая теорія признаетъ свойства юридического лица, ни въ какомъ случаѣ съ строго логической точки зрѣнія не можетъ быть привязана къ понятію самостоятельнаго субъекта правоотношеній. Никто другой, какъ только государство является въ этихъ случаяхъ носителемъ имущественныхъ правъ, ибо то главнѣйшее качество, которое опредѣляетъ всякаго субъекта возможность свободнаго распоряженія имущественными правами можно приписать лишь одному государству; все же другіе, существующіе въ благотворительномъ учрежденіи органы, какова бы ни была ихъ кажущаяся самостоятельность, суть не болѣе, какъ представители отъ государства.

Государство, слѣдовательно, также во всехъ отношеніяхъ представляетъ больницу, богадѣльню или другое какое либо благотворительное учрежденіе, какъ и судебную палату или полицейское управленіе. Внутреннее устройство самаго учрежденія не производитъ еще самостоятельнаго субъекта правоотношеній. Все равно разрѣшаются ли дѣла въ томъ или другомъ государственномъ учрежденіи коллегіально или единолично. Наконецъ, можно положительно утверждать, что даже все формальные признаки природы юридического лица, которыми бы окружило себя извѣстное благотворительное заведеніе, не создадутъ для него возможности назваться юридическимъ лицомъ или самостоятельнымъ субъектомъ правоотношеній.

Достиженіе благотворительныхъ цѣлей можетъ быть обста-

стіе государственной власти; хотя Пфейферъ выставляетъ совершенно другой мотивъ этого участія; признавая благотворительныя заведенія за юридическія лица (*universitas bonorum*) онъ и основываетъ въ этихъ случаяхъ участіе государства тѣмъ соображеніемъ, что только одно государство можетъ возвести учрежденіе на степень самостоятельнаго субъекта правъ или юридического лица. Pfeifer die Lehre v. d. juristisch. Personen стр. 131 см. также Savigny—System d. h. r. Rechts II. 8. Также сморгить и Унгеръ System I. § 44.

влено съ матеріальной стороны различнымъ образомъ: оно можетъ производиться или путемъ ежегодныхъ опредѣленныхъ ассигновокъ со стороны государства или же путемъ эксплуатаціи постоянныхъ фондовъ, составляющихъ экономическое обоснованіе даннаго учрежденія. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть никакого повода считать то или другое учрежденіе юридическимъ лицомъ, такъ какъ существуетъ неразрывно постоянная связь между этимъ учрежденіемъ и государствомъ, какъ субъектомъ имущественныхъ средствъ, составляющихъ основу заведенія. Совсѣмъ другое мы наблюдаемъ въ томъ случаѣ, когда благотворительнымъ учрежденіемъ является какъ бы самостоятельно существующая наличность имущества. Способы эксплуатаціи и употребленія этого имущества составляютъ замѣчивый признакъ считать его за юридическое лицо. Но такъ кажется только съ перваго взгляда. Тѣ разъ навсегда опредѣленные формы имущественнаго употребленія, которыя очень твердо поставлены государственною властью, близко подходятъ подъ понятіе государственныхъ имуществъ; они слѣдовательно, только назначены на покрытие расходовъ извѣстнаго благотворительнаго учрежденія вмѣсто ежегодныхъ ассигновокъ со стороны государства. На сколько удовлетворительна такая форма содержанія учреждений это вопросъ другаго рода. Слабость государственной инициативы въ дѣлѣ основанія и обезпеченія благотворительныхъ учреждений обусловливается самыми разнообразными причинами, иногда находящими для себя объясненіе или въ извѣстномъ моментѣ историческаго роста государства или же, наконецъ, въ самой природѣ учрежденія. Основаніе благотворительныхъ заведеній подъ вліяніемъ частной инициативы составляетъ на столько обыкновенное явленіе, что самое названіе ихъ по нѣмцамъ выражается словомъ *Stiftungen*, означая установленіе образованное путемъ частной благотворительности.

Такой способъ происхожденія *Stiftungen* даже поводъ

считать изъясненіе воли завѣщателя исходнымъ моментомъ существованія самаго учрежденія. Многіе новѣйшіе писатели считаютъ неумѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, безразличнымъ признаніе со стороны государства существованіе всякаго благотворительнаго заведенія, образовавшагося благодаря наличности всѣхъ необходимыхъ условій — воли завѣщателя и нужныхъ матеріальныхъ средствъ ¹⁾).

Но если и нельзя подтвердить необходимости государственнаго признанія для извѣстнаго учрежденія исключительно соображеніями полезности его или вреда для общества, за то вопросы касательно организациі и способовъ употребленія наличности имущества, назначенной для благотворительнаго учрежденія, должны составить главное основаніе требованія постоянного участія государства при установленіи всякихъ заведеній преслѣдующихъ благотворительныя цѣли.

Это требованіе вытекаетъ логически изъ того соображенія, что всякое имущество не принадлежащее опредѣленному лицу, но назначенное для органическаго служенія тѣмъ или другимъ полезнымъ обществу цѣлямъ, составляетъ принадлежность государства, какъ юридическаго лица, и, притомъ по началамъ частной собственности, а не въ силу только вышшаго его суверенитета.

Трудность признанія за благотворительными учрежденіями свойствъ юридическаго лица была сознаваема весьма немногими писателями (см. примѣчаніе 1, страница 21).

Росгиртъ ²⁾ изъ писателей начала XIX вѣка положительно отказывался считать юридическими лицами эти учрежденія; онъ разсматриваетъ имущество благотворительныхъ заведеній, какъ принадлежность церкви и едва ли его мысли можно исключительно основывать только на одномъ контролѣ, ко-

¹⁾ Arndts.—Pandectenr § 46.

Bluntschli—Deutsch. Privatr. § 45.

²⁾ Archiv für civilistisch. Praxis. X № 13. p. 322.

торый имѣла церковь надъ этими послѣдними. Замѣчанія Росгирта подверглись большимъ нападкамъ со стороны ученыхъ; его мысль показалась странною Савиньи ¹⁾, Пухтѣ ²⁾, Гошену ³⁾, Вэхтеру ⁴⁾ и Уигеру ⁵⁾; но съ особеннымъ пристрастьемъ отнеслись къ нему Мюленбрухъ ⁶⁾ и Пфейферъ ⁷⁾.

Невозможно, конечно, согласиться съ Росгиртомъ, что благотворительныя установленія обладаютъ фондами, принадлежащими на правахъ собственности церкви потому, что этой послѣдней былъ представленъ въ силу особенныхъ историческихъ условій государствомъ контроль надъ всеми благотворительными учрежденіями; но за то нельзя не сознаться, что Росгиртъ очень хорошо понималъ внутренній характеръ этихъ установленій ихъ страдательную роль въ отношеніяхъ эксплуатаціи имущества. Хотя онъ и не выставилъ настоящаго субъекта, котораго слѣдуетъ считать обладателемъ имущественныхъ правъ учреждений—государства. Въ замѣчаніяхъ Пфейфера, направленныхъ къ доказательству свойствъ юридическаго лица въ благотворительныхъ установленіяхъ, кромѣ полемики противъ Росгирта, основанной, главнымъ образомъ, на соображеніи о существованіи и такихъ благотворительныхъ установленій, которыя никогда не находились въ зависимости отъ церкви (*familienstiftungen*) мы не встрѣчаемъ другихъ основаній. Но нельзя не поставить въ упоръ Пфейферу, что онъ ограничился однимъ только римскимъ законодательствомъ при чисто теоретическомъ разсмотрѣніи этаго важ-

1) System II. 202.

2) Lehrb. § 95.

3) Vorlesungen § 97.

4) Hand. II. 203.

5) System 1. 44.

6) Muhlenbruch in Glück Konfm. 40.

7) Lehr. v. d. jurist. Person. 125. § 42.

наго вопроса. Законодательство не должно служить непреложнымъ источникомъ для вывода правовыхъ принциповъ, а, напротивъ, оно само нуждается, въ тѣхъ руководящихъ началахъ, которыя даются ему одною только наукой права. Самое, хотя и весьма неудачное, раздѣленіе Пфейфера благотворительныхъ учреждений, какъ юридическихъ лицъ, на публичныя, частныя и смѣшанныя, показываетъ, что и онъ, не смотря на все свое нежеланіе сознавалъ ту неразрывную связь, которая существуетъ между дѣятельностью государства и тѣми цѣлями, къ которымъ приурочена та или другая наличность имущества, о крайней мѣрѣ это сознаніе несомнѣнно проглядываетъ въ допущеніи тѣхъ учреждений которыя отнесены Пфейферомъ къ разряду публичныхъ ¹⁾. Тѣже возрѣнія мы встрѣчаемъ у Гёшена Vorlesung ü. d. g. Civilr. 1. § 62, Мюленбруха Pandectner 1 § 199 и Унгера Syst. 1. § 44.

Признаки, которые дали основаніе считать благотворительныя учрежденія за самостоятельныхъ субъектовъ, правъ, образовывались исторически. Послѣ торжества христіанства, благотворительныя учрежденія, удовлетворяя основнымъ принципамъ новаго ученія, приобрѣли очень твердое основаніе для своего постояннаго расширенія. Въ періодъ же язычества у

¹⁾ Eine öffentliche Stiftung ist diejenige, welche gleiche Zwecke mit dem Staate oder einer öffentlichen Körperschaft verfolgt ihr Gegensatz; ist die Privatstiftung, und gemischte Stiftung ist eine solche, welche theils Zwecke des Staats oder einer öffentlichen Körperschaft, theils solche Zwecke hat, welche die Thätigkeit des Staats oder der öffentlichen Körperschaft nicht beruhen. Lehr. v. d. jur. Pers. § 43. Такое же раздѣленіе благотворительныхъ учреждений встрѣчается и Блунтчи—deutsch. Privatr. § 45. Послѣдній писатель къ публичнымъ установленіямъ, какъ юридическимъ лицамъ, относить и должности Aemter, находящіяся въ государствѣ или же въ учрежденіяхъ общественныхныхъ.

Однаковое съ Блунтчи мнѣніе высказываетъ Мауренбрехеръ—Lehrbuch des deutschen Privat. p. 348; онъ относитъ къ юридическимъ лицамъ государственныя и церковныя должности, присоединяя къ нимъ еще сверхъ того

римлянъ мы не встрѣчаемъ особеннаго обилія даже учрежденій, преслѣдующихъ религіозныя цѣли. Древнее римское право ставило большія преграды частной благотворительности какъ инициативѣ основанія *ria corpora* тѣмъ, что требовала очень ясной опредѣленности субъекта, которому бы можно было отказать имущество путемъ завѣщанія; такъ что если бы завѣщатель назначилъ свое имущество бѣднымъ въ ихъ неопредѣленной совокупности, то такое завѣщаніе, имѣющее въ виду *incerta persona* считалось бы не дѣйствительнымъ. Вслѣдствіе этого въ древнее время у римлянъ мы встрѣчаемъ религіозныя и, вообще благотворительныя учрежденія, обезпечиваемыя постоянными ассигновками имущественныхъ средствъ изъ государственныхъ кассъ; хотя есть основаніе предполагать и у римлянъ существованіе такихъ имущественныхъ фондовъ, которые, составляя принадлежность государства или даже города, покрывала расходы культа. Съ введеніемъ христіанства открылась широкая дверь для частной благотворительности. Люди, желая преслѣдовать цѣли благочестія, спѣшили высказывать свое религіозное настроеніе въ формѣ большихъ денежныхъ пожертвованій. Сами Императоры поощряли собственнымъ примѣромъ такія дѣла благочестія (вспомнимъ огромное пожертвованіе Траяна въ пользу бѣдныхъ семействъ въ Италіи) и для того, чтобы доставить своимъ подданнымъ осязательныя формы удовлетворенія религіозному энтузіазму, позволяли привязывать частныя пожертвованія къ отдѣль-

правителей (*Regentem*) Справедливыя нападки, которымъ подверглись мѣшнн Мауренбхера со стороны Пфейфера, по поводу отнесенія первымъ ученымъ къ юридическимъ лицамъ должностей, въ одинаковой степени относятся также и къ Блунтцли. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Пфейферъ, что если считать государственныя и общественныя должности за юридическія лица только потому, что они являются постоянными органами управленія, не смотря на измѣненія представляющихъ эти органы физическихъ лицъ, то почему же не считать за юридическое лице купеческаго бухгалтера, вѣдь онъ также выражаетъ названіе постоянной должности?

но существующимъ учреждениямъ, Валентиніанъ III и Юстиніанъ оставили всеми юридическими удобствами исполненіе воли завѣщателя, направленной въ пользу тѣхъ или другихъ благотворительныхъ учреждений. Въ такомъ же точно духѣ дѣйствуетъ и каноническое право. Оно только распространило въ высшей степени церковный контроль надъ всеми благотворительными учреждениями. Всеми этими обстоятельствами объясняется, какимъ образомъ была разорвана та связь, которая соединяетъ всякую наличность имущества, приуроченную къ опредѣленнымъ цѣлямъ, съ государствомъ, какъ ея субъектомъ.

II. Кому же принадлежитъ тотъ комплексъ правъ и обязательствъ, который извѣстенъ у римлянъ подъ именемъ hereditas jacens. Едва-ли можно согласиться съ тѣми учеными, которые признаютъ свойства юридическаго лица за лежащимъ наслѣдствомъ. Римское право не считали hereditas jacens за юридическое лицо. По объясненіи Савинья (Syst. II. § СII.) главнымъ основаніемъ, по которому hereditas jacens стали считать за юридическое лицо является одинъ текстъ Флорентина въ Digestахъ ¹⁾, который, повидимому устанавливаетъ полную аналогію между лежащимъ наслѣдствомъ и корпораціей, муниципіей или, вообще, юридическимъ лицомъ. Но этотъ же писатель даетъ и объясненіе внутренняго смысла приведеннаго отрывка Флорентина: „римляне говорятъ онъ, считали право наслѣдованія начинающимся съ самаго момента смерти наслѣдодателя, такъ что

¹⁾ L. 22, de fidejuss. (XLVI. 1). Mortuo reo promittendi et ante aditam hereditatem fidejussor accipi potest: quia hereditas personae vice fungitur, sicuti municipium, et decuria, et societas.

У Савинья въ доказательство того, что римляне не считали hereditas jacens за юридическое лицо привод. слѣдъ мѣста.—Omnia fere jura heredum perinde habentur, ac si continuo sub tempore morti heredes extitissent—Omnis heredis quamvis postea adeatur, tamen cum tempore mortis continuatur. Syst. II. § СII.

съ этого времени наслѣдство переходило непосредственно отъ наслѣдодателя къ наслѣднику; и если нѣкоторые тексты римскаго права смотрятъ на лежащее наслѣдство, какъ на имущество какъ-бы не принадлежащее физическому лицу, то это надо понимать въ смыслѣ отсутствія только опредѣленнаго лица, какъ субъекта; такъ что, слѣдовательно, со времени смерти наслѣдодателя до принятія наслѣдства имѣется наслѣдникъ, только его въ данномъ случаѣ нельзя опредѣлить, и если бы въ такихъ случаяхъ былъ назначаемъ ~~опекунъ~~, то онъ и являлся бы представителемъ того неопредѣленнаго, но въ дѣйствительности существующаго лица, которое должно впоследствии сдѣлаться уже дѣйствительнымъ субъектомъ имущества. Римское право, хотя положительно и не запрещало назначенія опекуновъ для hereditas jacens, но и не требовало надобнаго назначенія, и все почти его источники носятъ на себѣ характеръ такого безразличнаго отношенія къ назначенію опекуновъ. Однакожь, продолжаетъ Савиньи, если бы даже опекуны и были необходимы для hereditas jacens, то изъ этого никакъ нельзя было бы заключить, что римское право считало это послѣднее за юридическое лицо. Назначеніе опекуна у римлянъ доуказалось и къ имуществу отсутствующихъ лицъ и, конечно, безъ всякаго возведенія этого имущества на степень юридическаго лица. Опекуны во всѣхъ такихъ случаяхъ являются представителемъ не самой наличности имущества, возведенныхъ на степень фиктивныхъ лицъ, а лицъ, въ дѣйствительности существующихъ“.

И такъ, по мнѣнію Савиньи римское право не считало hereditas jacens за юридическое лицо. Если же и попадаются отрывки, говорящіе о противномъ (какъ напр. отрывокъ Флорентина) то ихъ, по весьма остроумному замѣчанію Савиньи, нужно объяснять сходствомъ одного признака юридическихъ лицъ и hereditas jacens—фикціей, пригнѣваемой въ обоихъ случаяхъ. Она и съ совершенно различными основаціями: юриди-

ческое лице представляет само по себѣ понятіе о фивитивномъ субъектѣ правоотношеній, а *hereditas jacens*, согласно духу строгаго *jus civile*, только въ нѣкоторыхъ правоотношеніяхъ до принятія наслѣдства фивитивно отражаетъ на себѣ личность умершаго наслѣдодателя¹⁾. Что же касается тѣхъ мѣстъ въ памятникахъ римскаго права, которыя повидимому приписываютъ всѣ свойства юридическаго лица лежащему наслѣдству, то, по мнѣнію Савиньи, они находятъ себѣ объясненіе въ желаніи представить наиболѣе образно выразившуюся личность наслѣдодателя, какъ это и видно изъ слѣдующаго мѣста источниковъ—*quia creditum est hereditatem dominam esse et defuncti locum obtinere*. Самое же дѣйствительное доказательство того, что римское право не считало *hereditas jacens* за юридическое лицо, представляетъ обстоятельство, что лежащее наслѣдство у римлянъ не являлось самостоятельнымъ носителемъ правъ; оно, напр., не могло ни завѣщать, ни получать отказовъ.

Съ особеннымъ стараніемъ желаетъ опровергнуть положенія, выказанныя Савиньи, изъ писателей первой половины XIX ст. Пфейферъ²⁾, а изъ новѣйшихъ Бринцъ³⁾. Пфейферъ выходитъ изъ того положенія, что оставшееся послѣ смерти наслѣдодателя имущество, по причинѣ крайней неопредѣленности личности наслѣдника, должно стать юридическимъ лицомъ, чтобы не быть вовсе безусубъектнымъ. Такое именно воззрѣніе на *hereditas jacens*, говоритъ Пфейферъ, и было извѣстно римскому праву. Оно принималось всеми почти цивилистами до тѣхъ поръ, пока не выразилъ своего мнѣнія на этотъ предметъ Савиньи. Но Пфейферъ не хочетъ согласиться ни съ однимъ изъ доводовъ Савиньи; онъ говоритъ, что даже основная точка зрѣнія Савиньи на этотъ

1) Hinderlich sei die Unbekanntheit des Erben nur bei dem Erwerb durch Erbschaftssklaven gewesen. Savigny Syst. II. § 51.

2) Die Lehr. v. d. j. Pers. § 50.

3) Pandencter. § 155. II.

предметъ повѣрна, ибо онъ слишкомъ расширяетъ понятіе о будущемъ наслѣдникѣ, выставляя его только неизвѣстнымъ въ данное время лицомъ, но не желая согласиться, что иногда эта неизвѣстность, можетъ перейти и въ полное отсутствіе наслѣдника ¹⁾.

Но едва ли можно придавать замѣчанію Пфейфера какое либо серьезное значеніе: Пфейферъ, очевидно не предвидѣлъ, что наслѣдство, какъ совокупность правъ и обязательствъ, не можетъ не имѣть для себя наслѣдника; при отсутствіи частныхъ лицъ, имѣющихъ право притязанія на полученіе наслѣдства, наслѣдникомъ является государство, какъ юридическое лицо.

Бринцъ приписываетъ источникамъ совершенно другой взглядъ на природу *hereditas jacens*, чѣмъ тотъ, который выразилъ Савиньи ²⁾. Основываясь преимущественно на извѣстномъ уже намъ отрывкѣ (*quia creditum est, hereditatem dominam esse et defuncti locum obtinere*), объясненномъ такъ остроумно Савиньи, онъ положительно утверждаетъ, что римское право ставило *hereditas jacens* въ роль самостоятельнаго субъекта, какъ это особенно ясно высказывалось напр. въ случаяхъ *stipulatio*. Но въ то же время Бринцъ высказываетъ, что *hereditas jacens*, имѣя такое значеніе, никогда не возводилось у римлянъ фиктивно на степень лица. Подобная непоследовательность находить, впрочемъ, себѣ объясненіе въ особомъ взглядѣ Бринца на великую самостоятельно существующую наличность правъ, относимую имъ къ случаямъ *Zweckvermögen*. Хотя, Бринцъ никакъ не могъ подвести *hereditas jacens* подъ понятіе *Zweckvermögen*, такъ какъ къ нему не прилагивается основной при-

¹⁾ Это самое важное изъ всѣхъ 4-хъ возраженій Пфейфера; остальные не заслуживаютъ вниманія.

²⁾ *Überhaupt nicht die Vorstellung, als ob irgend ein Subject die hereditas jacens habe, sondern nur die Vorstellung, dass die hereditas jacens anstatt eines Subjects, einer Person sei—domini locum tenet. Pand. 665.*

знать этого рода имущества—назначеніе служить своимъ употребленіемъ опредѣленной цѣли¹⁾).

Разсмотрѣвъ взгляды цивилистовъ на hereditas jacens нельзя прійти къ тому заключенію, къ которому приходитъ Арндтсъ (Pand. § 465 анн. 2), что они не согласны между собою только относительно частныхъ занимающаго насъ въ настоящее время вопроса. Какъ мы видѣли ученые по своимъ воззрѣніямъ на природу hereditas jacens раздѣляются на нѣсколько группъ. И во всякомъ случаѣ нельзя никакъ согласить мнѣніе напр. Игеринга, считающаго hereditas jacens за самостоятельный субъектъ или, что тоже, за юридическое лицо, съ мнѣніемъ не только Савиньи, отрицающаго юридическую личность лежащаго наслѣдства, но даже съ мнѣніемъ Шерля. (см. примѣч. 1). Съ нашей точки зрѣнія наибольшую натяжку дѣлаетъ Бринцъ, объясняя свойства hereditas jacens. Онъ, строго говоря, не даетъ опредѣленнаго объясненія по поводу того, какъ смотрѣло римское право на лежащее наслѣдство. Если же мы пріймемъ взглядъ Савиньи, тогда, на основаніи его остроумныхъ объясненій, намъ станутъ понятны даже тѣ противорѣчивые мѣста въ источникахъ римскаго права, которыя, то не считаютъ hereditas jacens за

¹⁾ До какой степени разнообразны взгляды ученыхъ на природу hereditas jacens можно видѣть въ нижеприведенныхъ мнѣніяхъ:

Гунгеръ (Göm. Erbr. s. 110.), Мюленбрухъ (Fort. 1.41.), Игерингъ (abh. s. 212). Бюхель (Erör. II. 11.) и Сиггенисъ (Pract. Civilr. III. 319)—считаютъ hereditas jacens самостоятельнымъ субъектомъ, независимо отъ посторонней личности и ея представленія. (Последнее мнѣніе Игеринга о hered. jac. см. въ Jahrb. f. Dogm. X. 416). Пухта Pand. § 446 возлощаетъ личность умершаго въ понятіи hereditas jacens—Das hinterlassenen Vermögen selbst also trägt eine Persönlichkeit in sich, und diess ist die fingirte des Verstorbenen. Также смотритъ Шерль—Beitr. 1. S. 2. Die Erbschaft ist nun ein Vermögen mit einem fingirten Subject. Голцнеръ.—Comm. § 542. Росгиртъ Arch. f. civil prof. X. 320. Майеръ—Erbrecht s. 2. Зейфертъ Pand. § 50.

Положительнымъ противникомъ hereditas jacens, какъ юридическаго лица, является Коппенъ сперва въ своемъ соч.—Diss. inaug. de natura hereditatis nondum aditae 1850 г., а, затѣмъ въ соч. 1856 г. das Erbrecht.

самостоятельный субъектъ правъ, то привязываютъ къ нему понятіе о личности умершаго наследодателя.

И такъ, по мнѣнію Савиньи, еще римское право хорошо создало тѣ начала, которыя выражены въ новѣйшихъ законодательствахъ въ афоризмахъ—*Le mort saisit le vif* и *der Todte erbt den Lebendigen*. Слѣдовательно, положеніе, высказанное нами выше, что законодательства издавна указывали живыхъ, реальныхъ и самобытныхъ субъектовъ тому комплексу правъ и обязанностей, который составляетъ не принятое наследство, находитъ полное подтвержденіе и у Савиньи.

§ 3. Корпорации (въ смыслъ *rechtlich anerkannte universitas personarum*) представляются исключительнымъ видомъ юридическихъ лицъ. Субстратъ корпорации, какъ юридического лица, составляютъ физическія лица. Нѣтъ надобности, подобно Цительману (*Begriff* § 36 и 37), искать метафизическихъ основаній для объясненія свойства корпорации, какъ самостоятельнаго лица. Въ корпорации объединены воли ея членовъ, какъ это пытаются доказать Цительманъ¹⁾, а источники этой воли—физическія лица, способныя къ самоопредѣленію и связаннаго сознаниемъ единой цѣли, какъ задачи существованія самаго союза. Такой союзъ физическихъ лицъ представляетъ собою аппаратъ, выражающій и направляющій единую волю къ достиженію общихъ цѣлей. Но воля юридического лица подобно тому, какъ и воля физического лица выражаетъ собою только постоянную связь субъекта съ его правомъ, какъ средствомъ достиженія цѣлей. Направленіе ея въ каждый данный моментъ опредѣляется ея самобытнымъ источникомъ.

Для понятія корпорации, какъ юридического лица, необходимо, слѣдовательно; существованіе союза физическихъ

¹⁾ Das Substrat der Corporation sind nicht einzelne Menschen—vielmehr werden nur die Willen der Corporationsglieder geeint.

лицъ, единства воли этого союза и правъ, составляющихъ принадлежность союзу, какъ отдѣльной единицы.

Но спрашивается, какъ возникаетъ самый субстратъ корпораций? Намъ кажется, что для понятія корпорации несущественно обстоятельство, какъ возникаетъ та или другая universitas personarum: представляетъ ли она собою естественные или бытовые союзы (Staat, Gemeinden), или она образовывается произвольно физическими лицами (gewillkürliche Einheiten—Genossenschaften). Это чисто формальное различіе: и бытовые союзы скрѣплены волею членовъ, хотя, правда, въ нихъ она выражается отрицательно—только въ смыслѣ неоставленія союза. Для понятія корпорации важнымъ является не то обстоятельство—произвольно или не произвольно образовался союзъ, но то—какую организацію принялъ этотъ союзъ и можетъ ли онъ имѣть свойства, необходимые для понятія личности—быть самостоятельнымъ источникомъ правомѣрной воли. Если физическія лица соединяются для достиженія извѣстныхъ цѣлей такъ, что каждое изъ нихъ оперируетъ на счетъ своей правоспособности, непосредственно или посредственно приобретаая и уступая ей лично принадлежащія права, то они не образуютъ корпорации, а только товарищество. Для понятія корпорации, какъ юридического лица, необходимо признанный государствомъ за отдѣльное лицо союзъ физическихъ лицъ, образовавшійся для достиженія цѣлей, равно интересныхъ для каждаго члена, безъ отношенія къ его имущественному владу. Средняго понятія между корпорацией и товариществомъ допустить нельзя. Товарищества, признанныя государствомъ, какъ бы отдѣльными единицами (Corporative Societät) вовсе не представляются юридическими лицами,—ибо самое это признаніе имѣетъ особый характеръ—нотаріальнаго укрѣпленія¹⁾.

¹⁾ Сальковекій Bemerkungen, § 16.

Главнымъ критеріемъ при отличіи корпораціи и товарищества будетъ характеръ соединенія членовъ союза и отношеніе ихъ къ общей совокупности. Аренсъ¹⁾ на основаніи этого критерія выводитъ три вида юридическихъ лицъ: къ первому виду слѣдуетъ, по его мнѣнію, отнести тѣ юридическія лица, которыя представляются субъектами имущественныхъ правъ, какъ единицы, такъ что отдѣльные его члены не являются даже частично собственниками общаго имущества. Это словомъ римская *universitas personarum*. Второй видъ юридическихъ лицъ представляютъ тѣ общества, въ которыхъ отдѣльные члены бывають собственниками общаго имущества по началамъ *condominium'a*. Это такія общества, за которыми многіе романисты и не признають свойствъ юридическихъ лицъ, но которые, какъ замѣчаетъ Аренсъ, совершенно основательно считаются таковыми въ современномъ гражданскомъ быту. Третій видъ юридическихъ лицъ представляетъ намъ среднее понятіе между двумя первыми родами, такъ что, согласно этому понятію, субъектомъ правъ представляется отчасти совокупность лицъ, какъ отдѣльная единица, отчасти же образующіе юридическое лицо сочлены.

Трудно согласиться съ этимъ дѣленіемъ юридическихъ лицъ и признать за нимъ какое либо серьезное значеніе. Въ немъ особенно ясно выступаетъ на видъ смѣшеніе двухъ понятій юридического лица и фактического соединенія нѣсколькихъ физическихъ лицъ или товарищества. Между этими двумя понятіями, какъ мы уже видѣли, лежитъ глубокая разница. Та совокупность физическихъ лицъ, которая составляетъ субстратъ юридического лица, всегда образовывается для достиженія цѣлей, совершенно одинаково интересныхъ для каждаго отдѣльнаго члена, притомъ, безъ всякаго отношенія къ его имущественнымъ вкладамъ. Цѣли, которыя преслѣдуетъ юридическое лицо требуютъ

1) Jurist. Enzycl. 659.

для своего выполнения гораздо большей крѣпости въ организаціи института, чѣмъ та, какою представляютъ намъ товарищества, хотя бы самыхъ совершенныхъ формъ. Наконецъ, въ отношеніи юридическихъ лицъ постоянно дѣйствуетъ принципъ, очень ясно признанный еще въ римскомъ правѣ—полнаго отдѣленія имущественной сферы юридического лица, какъ единицы и отдѣльныхъ сочленовъ—*si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas—singuli debent*¹⁾). Таковы внутренніе характеристическіе признаки юридического лица. Они поставлены въ дѣйствительности очень твердо и ихъ нельзя измѣнить по произволу безъ существеннаго нарушенія природы юридического лица. Наконецъ, ихъ только съ большою натяжкой можно перенести на другія фактическія соединенія лицъ и, притомъ, не безъ вредныхъ послѣдствій для юридического существованія самихъ институтовъ. Организациія всякаго учрежденія должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ его фактической природой; если же это условіе не будетъ выдержано, то какъ бы ни была совершенна эта организациія и какъ бы съ виду ни прилаживалась къ самому учрежденію, она въ своемъ примѣненіи непременно оставитъ такіе пробѣлы, которые, не смотря на свое кажущееся отсутствіе, вредно повліяютъ на судьбу института.

Каковы же тѣ основанія, которыя заставляютъ многихъ ученыхъ и нѣкоторые законодательства привязывать понятіе юридического лица къ товариществамъ и, вмѣстѣ съ этимъ, надѣлать ихъ соотвѣтственной организацией? Ихъ съ особенною ясностью можно наблюдать въ книгѣ Блунтшли²⁾—Германское частное право. Для того, чтобы товарищество возвысилось до понятія юридического лица, необходимо ему имѣть, говоритъ Блунтшли, слѣдующіе признаки—имущество, общую волю и органы для вы-

¹⁾ Ulpian. in L. 7. § 1.

²⁾ Bluntschli—Deutsch. Privatr. s. 87.

раженія различныхъ опредѣленій и для представительства во внѣшнихъ юридическихъ отношеніяхъ товарищества, какъ самостоятельнаго субъекта¹⁾. Особенно же подходят, по мнѣнію Блунтчи, подъ понятіе юридическихъ лицъ акціонерныя товарищества (Actienvereine, Actiengesellschaften), такъ какъ они имѣютъ всѣ нужныя для этого признаки: общія собранія акціонеровъ, рѣшающихъ дѣла по большинству голосовъ, правленія, директоровъ и агентовъ; они заключаютъ договоръ съ третьими лицами, какъ отдѣльные субъекты (als ganzes) такъ, что составляющіе товарищество акціонеры въ этихъ договорахъ не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ, и, слѣдовательно, не фигурируютъ въ нихъ ни какъ кредиторы, ни какъ должники. Право взысканія по обязательствамъ также сосредоточивается въ рукахъ цѣлаго товарищества, а не отдѣльныхъ его членовъ; далѣе, въ общую конкурентную массу имущества при взысканіяхъ съ акціонернаго товарищества, поступаютъ не частныя имущества акціонеровъ, а только имущества, принадлежащія цѣлому товариществу, какъ отдѣльному субъекту. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Блунтчи, всѣхъ этихъ признаковъ совершенно достаточно, чтобы согласиться, что характеръ акціонернаго товари-

1) Alle diese Genossenschaften (Versicherungsvereine) sind juristische Personen, indem sie alle als ganze Gesamtsubjecte organisirt sind, ein Vermögen haben, einen Gesamtwillen hervorbringen und mit rechtlicher Wirkung aussern, durch ihre Organe und Agenten klagen und als Ganze beklagt werden können. Sie alle bestehen aber wieder aus einzelnen Genossen, die Theil haben an der Persönlichkeit und dem Recht des Ganzen. Bluntschli—D. Privatr. s. 87.

Блунтчи, высказывая эти положенія, повидимому имѣлъ въ виду и свое національное законодательство; по англійскому закону товарищество не признается отдѣльнымъ юридическимъ лицомъ, независимо отъ лицъ физическихъ, изъ которыхъ оно состоитъ; въ гражданскихъ дѣлахъ и процессахъ всѣ члены товарищества должны участвовать лично, какъ истцы или какъ отвѣтчики; исключеніе дѣлается только для акціонерныхъ компаний, за которыми признается право вести дѣла черезъ довѣренное лицо напр.; уполномоченнаго агента—Lindley's law of Partnership d. 720.

щества, какъ юридическаго лица, высказывается въ слишкомъ ясныхъ чертахъ, не смотря на то, что оно само составлено изъ отдѣльныхъ имущественныхъ вкладовъ, принадлежащихъ на правѣ собственности отдѣльнымъ личностямъ.

Гдѣ же собственно тотъ главнѣйшій признакъ, на которомъ основываетъ Влунтчи природу юридическаго лица акціонерныхъ компаній? Въ его соображеніяхъ выведены, по этому поводу два факта или два характеристическіе признака — первый выражается въ органахъ, которые имѣетъ акціонерная компанія, какъ самостоятельный субъектъ правъ, второй создается тѣмъ обстоятельствомъ, что имущественная сфера акціонерной компаніи строго отдѣляется отъ такой же сферы отдѣльныхъ членовъ. Но одними этими признаками далеко не исчерпывается природа юридическаго лица. Хотя, дѣйствительно, этотъ институтъ, права во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ акціонерной компаніей, но считать ихъ тождественными только на основаніи нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ нѣтъ никакой возможности. Природа и свойства юридическаго лица, искусственно навязанныя товариществу, вредно отозвучатъ на юридической жизни этого послѣдняго; поэтому, тѣ презумпціи, которыми обставлено происхожденіе товарищества и его дѣятельность должны быть совершенно другія чѣмъ тѣ, которыя тяготеютъ надъ юридическимъ лицомъ.

Къ юридическимъ лицамъ причисляютъ впрочемъ только товарищества, существующія по участкамъ или кассамъ. По всему вѣроятію главнымъ основаніемъ такого сближенія служить приложимость къ обоимъ понятіямъ римской формулы — *si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas, singuli debent*. Относительно полнаго товарищества этого сказать нельзя; здѣсь нѣтъ такого рѣзкаго обособленія имущественныхъ сферъ компаніи, какъ въ слѣдствіе и отдѣльныхъ членовъ¹⁾. Этотъ признакъ говоритъ на столько

¹⁾ Исключеніе составляютъ командитныя товарищества, существующія по новѣйшему праву; но въ нихъ негласный товарищъ во внѣшнихъ отношеніяхъ не выступаетъ въ качествѣ члена.

убѣдительно, что исключаетъ всякую возможность считать какое бы то ни было видъ полнаго товарищества за юридическое лицо. Однакожь, не смотря на это, Сальковский¹⁾ находитъ весьма несо- слѣдовательными тѣхъ ученыхъ которые считаютъ акціонерныя компаніи за юридическія лица и не подводятъ подъ это понятіе торговыя товарищества. Главнымъ основаніемъ для выводовъ Саль- ковскаго служитъ въ этомъ случаѣ примѣръ римскаго права, которое не сообщило институту *societas* такихъ свойствъ и при- знаковъ, которое можно было бы перенести и примѣнить къ со- временнымъ торговымъ товариществамъ. *Societas* римскаго права образовывалась путемъ обязательственныхъ связей между нѣсколь- кими лицами, которыя при этомъ не составляли одного цѣлаго въ отношеніи третьихъ лицъ, такъ что связь между контра- гентами не шла далѣе внутреннихъ отношеній товарищескаго союза; что же касается внѣшнихъ правоотношеній, то здѣсь вся- кое единеніе членовъ или, вѣрнѣе, контрагентовъ разрушалось, и они выступали уже въ качествѣ совершенно самостоятельныхъ лицъ²⁾. Но далеко не такова, говоритъ Сальковский, природа со- временныхъ торговыхъ товариществъ: въ нихъ достигается гораздо больше, чѣмъ въ римской *societas* единеніе членовъ, и они, поэтому, являются въ гражданской жизни настоящими субъектами правъ, независимо отъ составляющихъ членовъ (*als Ganzes*). Это обстоя- тельство, съ точки зрѣнія Сальковского, кажется совершенно достаточнымъ для того, чтобы имѣть полное основаніе считать торговыя товарищества за юридическія лица. При этомъ Сальковский желаетъ обставить самый способъ образованія этихъ юридиче- скихъ лицъ наиболѣе свободными условіями: оно не требуетъ для

1) Salkowski—Bemerkungen zur Lehre von den juristischen Personen s. 56. § 7.

2) Ближе, слѣдовательно, подходитъ къ старому образцу римской *societas* англійскіе товарищескіе союзы, которые, даже въ процессуальномъ отно- шеніи, не представляются отдѣльными сторонами—Lindley's Law of Partners- hip d. 720.

ихъ происхожденія признанія со стороны государственной власти, такъ какъ, по его мнѣнiю, торговыя товарищества, какъ учрежденiя чрезвычайно древнiя, путемъ обычая успѣли создать цѣлую систему правилъ, какъ необходимыхъ условий для ихъ образованiя. Съ другой стороны по отношенiю къ нимъ, при существованiи солидарной отвѣтственности членовъ, вовсе не дѣйствуетъ предположенiе о необходимости признанiя ихъ государствомъ для предупрежденiя возможности вреднаго съ ихъ стороны влiянiя на гражданскiя отношенiя.

Уже гораздо меньшую натяжку по поводу разъясненiя юридическихъ свойствъ торговыхъ товариществъ дѣлаетъ Влунтчи ¹⁾. Онъ замѣчаетъ, что хотя товарищество въ гражданскихъ отношенiяхъ и договорахъ является самостоятельнымъ контрагентомъ, по, однакожъ дѣятельность его отличается отъ дѣятельности акционерныхъ компанiй, такъ какъ торговое товарищество, какъ отдѣльный субъектъ, совершаетъ гражданскiя дѣйствiя только на первыхъ степеняхъ (in erster Linie); но во всякомъ такомъ дѣйствiи просвѣчивается очень ясно отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ; такъ что, если вѣрители торговаго товарищества или фирмы найдутъ нужнымъ обратиться за удовлетворенiемъ своихъ претензiй къ участникамъ товарищества, то они это могутъ сдѣлать свободно.

Вслѣдствiе этого, замѣчаетъ Влунтчи, современныя торговыя товарищества никакъ не могутъ быть причислены къ юридическимъ лицамъ — universitates, хотя, съ другой стороны, они удалились также и отъ понятiя римской societas, гдѣ во вѣдшихъ правоотношенiяхъ наблюдалась множественность субъектовъ; они зайиютъ, такимъ образомъ, среднее мѣсто между этими двумя понятiями, представляя особый видъ современной genossenschaft, гдѣ нѣтъ и абсолютнаго единенiя членовъ и множественности субъектовъ ²⁾.

¹⁾ Deutsches Privatr. § 39.

²⁾ Beseler, Volksrecht. 158. Впервые выразилъ теорiю о genossenschaften. Это учение Jolly, а за нимъ Унгеръ (Syst. I. 330; и Zeit. f. d. XI. 319—Jolly) замѣнилъ теорiей о gesellschaften mit collectiver Personen einheit. Хотя Унгеръ измѣнилъ свой взглядъ—Krit. Uebersch. VI. 180.

Намъ кажутся странными подобныя мысли Блунтчи: въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ говорить о какомъ-то новомъ видѣ *genossenschaft*, куда можно причислить современныя торговыя компаніи, и усматривать въ этихъ послѣднихъ какіе-то своеобразныя признаки, если они свободно могутъ быть отнесены къ виду *societas*, правда въ современной формѣ, нѣсколько удалившейся отъ римскаго образца. Хотя и самое различіе не идетъ особенно далеко, такъ какъ и въ отношеніи римской *societas* вопросъ о томъ, возникаютъ ли непосредственно и для товарищей права и обязанности изъ сдѣлокъ, заключенныхъ однимъ изъ нихъ по товарищескимъ дѣламъ, разрѣшается по началамъ, въ силу которыхъ подобное непосредственное приобрѣтеніе правъ и обязанностей имѣетъ мѣсто, если товарищъ дѣйствовалъ въ качествѣ уполномоченнаго представителя отъ остальныхъ ¹⁾. Такимъ образомъ, строго говоря, римская *societas* тоже могла являться во внѣшнихъ правоотношеніяхъ самостоятельнымъ субъектомъ путемъ представительства одного уполномоченнаго члена; такое представительство, какъ кажется, мало въ сущности отличается отъ представительства, наблюдаемаго въ современныхъ товариществахъ, а также и въ торговыхъ компаніяхъ, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ самая фирма есть ни что иное, какъ представительство, только конечно, болѣе организованное. Это сходство идетъ еще гораздо дальше, если обратить вниманіе, что въ такихъ товариществахъ возможность подписывать фирму обусловлена правомъ представительства; такое право, въ случаяхъ сомнѣнія, принадлежитъ каждому изъ товарищей, въ силу безмолвнаго представленія ²⁾. Спрашивается послѣ всего этого, на что-же собственно сводятся тѣ признаки различія современного и римскаго товарищества ³⁾, о которыхъ такъ много толкуютъ Блунтчи и Сальковский?

¹⁾ Seuff. Arch. XII. 60.

²⁾ Thöl-Handels. Ld. I. (3-te Aufl.) § 38 и 44.

³⁾ Gerber-Syst. § 195. Kierulf (Theor. I. 134) и Walter (Deutsch. P. § 287) принимаютъ ученіе о modificirten societaten.

Они, какъ мы видѣли, сводятся къ большому совершенству въ организаціи представительства въ современныхъ товариществахъ. Но подобное различіе не существенно. Признаки совершенства, присоединяемыя путемъ продолжительнаго развитія какаго бы то ни было юридическаго института нисколько не измѣняютъ сущности этого института. Слѣдовательно, по отношенію къ природѣ товарищества-все равно выражается ли представительство въ лицѣ одного уполномоченнаго члена, или же въ лицѣ многихъ субъектовъ, образующихъ органъ товарищества съ определеннымъ названіемъ фирмы. Внутреннія же отношенія членовъ римской и современной *societas* являлись иногда совершенно различнымъ, не измѣняютъ ея главныхъ свойствъ.

Все эти соображенія даютъ, такимъ образомъ, полную возможность не только не считать торговыхъ товариществъ за юридическія лица¹⁾, но также и не подводить ихъ подъ особый какой-то видъ современныхъ институтовъ права²⁾, а самое простое разрѣшеніе ихъ свойства выражается тогда, если мы станемъ смотрѣть на нихъ, какъ на видъ полного товарищества съ организованнымъ представительствомъ.

Гораздо труднѣе уловить признаки отличія акціонерной компаніи отъ юридическаго лица.

Въ литературѣ этого вопроса мы встрѣчаемъ много очень громкихъ именъ писателей, стоящихъ на сторонѣ признанія акціонерныхъ товариществъ за юридическія лица. Кромѣ Виндшейда³⁾, замѣчающаго только наклонность въ торговыхъ товариществахъ образовать юридическое лицо, въ новѣйшее время юридическую личность торговыхъ товариществъ, но особенно

1) Сальковскій. Bemerk. § 7.

2) Блунтчи. D. Privatr. § 88.

3) Виндшейдъ—Pand. III. 160.

акціонерныхъ компаній, отстаниваютъ—Гелпке¹⁾, Сальковскій²⁾, и Блунтчи³⁾. Но за то на сторонѣ противниковъ этой теоріи мы видимъ Бринца⁴⁾ и Пфейфера⁵⁾.

Бринцъ особенно удачно наклоняетъ въ пользу своего мнѣнія тѣ статьи нѣмецкаго торговаго устава, которыя, по его мнѣнію, много способствовали образованію взгляда на акціонерныя компаніи, какъ на юридическія лица. Бринцъ не считаетъ за *Zweckvermögen* имущества промышленныхъ товариществъ вообще; онъ говоритъ что самая природа *Zweckvermögen* никакъ не можетъ быть согласованна съ тѣмъ частичнымъ дѣленіемъ, которое испытываетъ имущество вышеозначенныхъ компаній—отдѣльныя части такого имущества имѣютъ своихъ опредѣленныхъ субъектовъ (*Personenvermögen*). Однакожъ и, по мнѣнію Бринца, есть нѣкоторые общіе признаки обоимъ этимъ родамъ имущества; такими признаками являются во 1) органы, завѣдывающіе юридическими отношеніями имущества. 2) Крѣпость самой совокупности товарищескихъ имущества, такъ какъ разрушеніе этой совокупности стоитъ въ воли каждаго отдѣльнаго члена; наконецъ 3) та особенность (по крайней мѣрѣ относительно имущества нѣкоторыхъ родовъ промышленныхъ товариществъ), по которой отвѣтственность за долги, сдѣланныя для удовлетворенія потребностей цѣлаго товарищества, падаетъ исключительно на общее товарищеское имущество, а не на каждаго члена. Относительно же имущества акціонерныхъ компаній Бринцъ прямо замѣчаетъ, что они никакимъ образомъ не могутъ считаться *Zweckvermögen* (an und

1) Zeitschr. f. Handr. II. s.

2) Bemerk. zur Lehre v. d. jurist. Personen. 57 s.

3) Deutsch. Privatrecht § 39; особаго взгляда придерживается Thöl § 39. Handelsr. и Кунце—Zeitsch. f. H. VI. См. также Беккеръ—Zeitsch. f. H. IV. и Рослеръ—Zeitsch. f. H. IV.

4) Brinz—Pandectenrecht. II. т. 1038.

5) Pfeifer—Lehr. v. d. j. Personen § 17.

für sich ist das Vermögen der Actionengesellschaften kein Zweckvermögen). Бринцъ считаетъ главнымъ основаніемъ того, что нѣкоторые нѣмецкіе писатели смотрятъ на акціонерную компанію, какъ на юридическое лицо, или съ его точки зрѣнія, какъ на Zweckvermögen, Нѣмецкій Торговый Уставъ. Это обстоятельство заставляетъ Бринца критически разсмотрѣть сомнительныя статьи названнаго устава: Ст. 213 Нѣмецкаго торговаго кодекса признаетъ за акціонерными компаніями самостоятельный субъектъ, которому принадлежитъ определенное имущество, права и обязанности¹⁾; но въ этой же статьѣ Бринцъ усматриваетъ большое противорѣчіе со статьей 216 того же кодекса, которая говоритъ, что каждому акціонеру принадлежитъ право собственности на определенную часть въ общемъ товарищескомъ имуществѣ²⁾. Если попробовать, замѣчаетъ Бринцъ, согласить объ эти статьи, то надо тогда сказать, что статья 213 устанавливаетъ только административную самостоятельность общества, какъ отдѣльной единицы. Такимъ сомнительнымъ характеромъ отличается и статья 207 кодекса, устанавливающая самостоятельность товарищескаго имущества по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ³⁾; а также статья 227, по которой акціонерное товарищество представляется и съ процессуальной точки зрѣнія самостоятельнымъ субъектомъ, такъ, какъ жалобы и иски противъ общества обращаются къ представителямъ или органамъ товарищества, не касаясь отдѣльныхъ акціонеровъ. Смыслъ послѣднихъ статей позволяетъ думать, что субъектомъ товарищескаго имущества являются не отдѣльные вкладчики. Но, замѣчаетъ Бринцъ,

¹⁾ Als solche selbständig Rechte und Pflichten haben, Eigenthum und andere dingliche Rechte am Grundstücken erwerben lässt. 213 art.

²⁾ Jedem Actionär einen verhältnissmässigen Antheil an dem Vermögel der Gesellschaft einräumt.

³⁾ Wonach der Actionär sich nur seit Einlagen theilhaftig ohne persönlich für die Verbindlichkeiten der Gesellschaft zu haften.

хотя отдѣльный членъ товарищества и не представляется въ процессуальномъ отношеніи самостоятельнымъ субъектомъ своей части въ общемъ имуществѣ, хотя, затѣмъ, онъ и не можетъ быть представителемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имущественныхъ интересовъ цѣлой компаніи, но все это еще нисколько не доказываетъ, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не является полнымъ собственникомъ той части товарищескаго имущества, которая принадлежитъ ему по праву владѣнія акціей. Такія права акціонера проявляются во всей своей полнотѣ въ случаяхъ голосованія, въ отношеніяхъ контроля надъ дѣйствіями органовъ и представителей компаніи, который имѣетъ мѣсто въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ.—Характеръ Zweckvermögen въ имуществахъ акціонерныхъ товариществъ обнаруживается также и въ статьѣ 216 торговаго кодекса, которая говоритъ, что разъ сдѣланныя вклады не могутъ быть возвращаемы назадъ, такъ какъ они предназначены для достиженія опредѣленной цѣли¹⁾. По мнѣнію Бринца и въ этой статьѣ нельзя видѣть установленія полного сходства имущества акціонерныхъ компаній съ Zweckvermögen, такъ какъ вкладъ каждого товарища не является для него совершенно потеряннымъ, онъ только получаетъ другіе признаки и дѣлается изъ частной собственности частью общаго имущества, но назначеніе его остается тоже самое—служеніе интересамъ своего собственника. Наконецъ, послѣднимъ признакомъ въ нѣмецкомъ торговомъ кодексѣ, сближающимъ понятіе юридическаго лица и акціонерныхъ товариществъ, является то обстоятельство, что каждый членъ не можетъ просить объ уничтоженіи или о прекращеніи товарищества. Но, конечно и этотъ признакъ не является существеннымъ, такъ какъ судьба товарищества и въ этомъ отношеніи находится въ рукахъ всѣхъ членовъ, какъ отдѣльныхъ субъектовъ общей собственности.

¹⁾ Этотъ признакъ имѣетъ огромное значеніе въ глазахъ Ауэрбаха Auerbach—с. 272.

Разсмотрѣвъ такъ тщательно природу имущества акціонерныхъ компаній, Бринцъ никакимъ образомъ не могъ подвести ихъ подъ понятіи о *Zweckvermögen*. Но хотя мы и не можемъ согласиться съ методомъ Бринца и съ его основною точкою зрѣнія на юридическое лицо, однакожъ, его выводы одинаково цѣпны и для насъ, представляя собою основанія, на которыя такъ же можно указать, отрицая свойства юридического лица у акціонерной компаніи.

Такимъ образомъ къ акціонернымъ компаніямъ не подходитъ та опредѣленіе юридического лица, которое можно сдѣлать на основаніи уже разобранныхъ нами свойствъ этого юридического института, какъ самостоятельнаго субъекта правоотношеній, выражающагося въ совокупности физическихъ лицъ, образовавшейся для достиженія цѣлей равно интересныхъ для каждаго члена, безъ всякаго отношенія къ его имущественному владѣнью, и существующаго постоянно и тождественно, не смотря на измѣняющійся его фактический составъ.—Это опредѣленіе, говоримъ мы, никакъ не можетъ быть перенесено на акціонерную компанію, представляющую только видъ товарищества ¹⁾.

Необходимость установленія вѣрнаго взгляда на существо акціонерной компаніи объясняется серьезными практическими

1) Изъ законодательствъ Западной Европы Нѣмецкое даетъ наиболѣе основаній считать акціонерныя и вообще торговныя товарищества за юридическія лица; колебанія, которыя обнаруживаетъ французское, англійское и шотландское законодательства въ отношеніи надѣленія промышленныхъ компаній имущественною и процессуальною самостоятельностью, лучше всего доказываютъ трудность надѣленія такихъ компаній свойствами юридического лица.

Французскій законъ различаетъ три главныхъ вида товариществъ: 1) товарищество *en nom collectif*—которое заключается между двумя или болѣе лицами подъ общею фирмою, причѣмъ каждый членъ отвѣчаетъ за всѣ обязательства компаніи. 2) Товарищество *en commandite*, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ (или одного) товарищей, отвѣтственность которыхъ неограниченна, и владѣльцовъ, которые отвѣчаютъ за всякій убытокъ только тою суммою, которую они внесли въ капиталъ товарищества. 3) Компанія на акціяхъ (*société*

требованиями, находящими свое объяснение в томъ, чтобы организация всякаго учрежденія находилась въ строгомъ соотвѣтствіи съ его фактической природой. Такъ, если акціонерная компанія имѣетъ всѣ свойства юридическаго лица, то и по отношенію къ ней должны дѣйствовать всѣ разобранныя нами условія, касательно органической необходимости для нея государственнаго признанія, и притомъ не на основаніи однихъ только полицейскихъ соображеній; далѣе устройство самой компаніи и ея представительствующихъ органовъ, способы веденія дѣлъ должны быть совершенно различнаго свойства, смотря по тому есть ли акціонерная компанія юридическое лицо, или же она представляетъ собою только товарищество. Акціонерная компанія, представляя собою форму договорнаго соединенія, должна возникать также свободно, какъ и всякія другія договорныя соглашенія. Требовать для возможности ея происхожденія разрѣшенія

анониме); этого вида товарищества можетъ быть учреждено только съ дозволенія правительства; оно не имѣетъ общей фирмы, но отличается свойствомъ предпріятія; дѣла его ведутся агентами компаніи; акціи могутъ передаваться отъ одного лица къ другому и акціонеры отвѣчаютъ за убытокъ только внесеннымъ ими капиталомъ (Code Commerce art.—18—50). По Англійскому закону, частное товарищество не признается юридическимъ лицомъ не зависимо отъ лицъ физическихъ, изъ которыхъ оно состоитъ; въ гражданскихъ дѣлахъ и процессахъ всѣ члены товарищества должны участвовать лично, какъ истцы или какъ отвѣтчики; по акціонернымъ обществамъ дается право вести дѣла черезъ одного уполномоченнаго агента, какъ повѣреннаго компаніи, который можетъ представлять общество отдѣльно отъ членовъ, составляющихъ его. Если членовъ товарищества много, то нѣкоторые изъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ вести дѣла отъ имени общества, или отъ своего имени, и отъ имени тѣхъ членовъ, которые имѣютъ съ ними общіе интересы; но при этомъ всѣ члены, заинтересованные въ дѣлѣ, должны быть представляемы этими лицами.

Въ Шотландіи товарищество считается какъ бы отдѣльнымъ лицомъ, способнымъ заключать контракты, владѣть собственностью и вести дѣла отъ имени фирмы; если фирма компаніи носить имя одного или нѣсколькихъ членовъ, то товарищество можетъ вести дѣла подъ этимъ именемъ; но если фирма не именная, а общая, то необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ три члена, ве-

со стороны государства это значитъ ставить преграды свободному развитію отношеній въ гражданской и экономической жизни. Современный бытъ выдвигаетъ на видъ такія предпріятія, которыя не могутъ быть выполняемы на счетъ средствъ одного лица, а основы кредитнаго хозяйства, уже достаточно разившіяся въ жизни европейскихъ обществъ, даютъ лучшее объясненіе причинамъ возникновенія такого громаднаго количества акціонерныхъ компаній настоящаго времени. Признаніе акціонерныхъ товариществъ должно ограничиваться однимъ только полицейскимъ контролемъ. Если же мы встрѣчаемъ иногда въ ученой литературѣ взгляды, отрицающіе необходимость признанія со стороны государства даже юридическихъ лицъ въ точномъ смыслѣ слова,

душіе дѣла отъ своего имени и отъ имени другихъ контрагентовъ, присоединяли въ пужныхъ случаяхъ въ общей фирмѣ свою фамилію (особенно знаменательное требованіе!) Если товарищество въ Англіи дѣлается несостоятельнымъ, то общее имущество его, равно какъ и имущество каждаго члена, сеquestrуется, но частные кредиторы каждаго изъ членовъ товарищества должны быть удовлетворены прежде, чѣмъ его имущество поступитъ на уплату долговъ по товариществу. Въ Шотландіи имущество товарищества можетъ быть сеquestrовано и поступитъ на удовлетвореніе кредиторовъ компаніи; кредиторы имѣютъ также право на пополненіе долговъ изъ частнаго имущества членовъ. Акціонерныя общества руководствуются въ Англіи и Шотландіи парламентскими актами (преимущественно 25 и 26 Vict. 89); по этимъ постановленіямъ, получившимъ силу 2-го Ноября 1862 года лица, соединившіяся для дозволенныхъ закономъ предпріятій, могутъ, внеся свои имена въ протоколъ общества, и выполнивъ всѣ необходимыя условія, составить корпорацію съ опредѣленною отвѣтственностью членовъ или же безъ нея. Отвѣтственность членовъ общества, составленнаго согласно съ требованіями закона, можетъ быть неограничена, или же ограничиваться сообразно съ протоколомъ компаніи суммою непоплаченныхъ ихъ акцій, или тою суммою какою члены обязуются внести въ фонды компаніи на случай ея несостоятельности—Л. Маккензи—Римск. право съ зак. запад. Европ. стр. 243. Изъ этихъ данныхъ видно, что даже въ тѣхъ странахъ (Шотландіи), гдѣ установлена имущественная и процессуальная самостоятельность товариществъ относительно ихъ не проведена даже главная формула, характеризующая свойства юридическаго лица—*si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas singuli debent*.

то отрицательный характер такихъ взглядовъ, долженъ расти въ отношеніи акціонерныхъ компаній и въ этомъ послѣднемъ отношеніи совершенно основательно: въ то время, какъ юридическое лицо, являясь самостоятельнымъ субъектомъ правоотношеній, независимо отъ наличныхъ его членовъ, требуетъ вслѣдствіи чисто юридическихъ соображеній государственнаго признанія, какъ органическаго условія для своего появленія въ гражданскомъ быту, акціонерныя общества проявляютъ свою дѣятельность въ болѣе узкихъ предѣлахъ, такъ какъ они представляются только фактическими соединеніями нѣсколькихъ физическихъ лицъ, какъ отдѣльныхъ субъектовъ; слѣдовательно по отношенію къ нимъ дѣятельность государства сводится къ нулю, такъ какъ оно не надѣляетъ товариществъ правоспособностью отдѣльнаго субъекта. Государству остается только наблюдать, чтобы соединенныя въ товариществѣ физическія лица направляли свои силы въ сторону, не задѣвающую общественныхъ интересовъ. Государственное признаніе относительно акціонерныхъ установленій ограничивается простымъ надзоромъ въ силу политическихъ и полицейскихъ соображеній. Что же касается юридической стороны въ образованіи товариществъ, то она должна стоять внѣ всякаго вліянія со стороны государства; тѣ презумпціи, которыми обставлено происхожденіе договоровъ и слѣлокъ вообще, должны оставаться въ полной силѣ и относительно акціонерныхъ союзовъ. Уставъ ихъ есть не что иное, какъ выраженіе договорныхъ положеній контрагентовъ. Онъ вовсе не долженъ претендовать на выраженіе правоспособности самостоятельнаго субъекта, какъ это бываетъ въ отношеніи юридическихъ лицъ. Правленіе акціонерныхъ товариществъ не есть органъ выраженія воли учрежденія; оно представляется только собраніемъ повѣренныхъ, какъ представителей существующей наличности отдѣльныхъ акціонеровъ; отношенія, слѣдовательно, правленія къ цѣлому товариеству должны быть устроены по началамъ договора препорученія или

Довѣренности подобно тому, какъ это существуетъ въ отноше-
ніяхъ отдѣльныхъ соучастниковъ всякаго общаго имущества, или
condominium'a. Подобный характеръ отношений вполнѣ оправ-
дывается практическими соображеніями, представляя собою боль-
шую гарантію правильной и безпристрастной эксплуатаціи налич-
ныхъ средствъ товарищества.

Съ формальной стороны принятіе такого критериума для
опредѣленія, какъ внутреннихъ отношений членовъ правленія, такъ
и ихъ отношений ко всѣмъ остальнымъ акціонерамъ, находитъ
для себя серьезныя объясненія. Въ акціонерномъ товариществѣ,
въ которомъ выгоды участниковъ не равномерны, невозможно
предполагать одинаковаго отношенія акціонеровъ къ общимъ дѣ-
ламъ товарищества; это обстоятельство даетъ естественное осно-
ваніе устанавливать относительный вѣсъ голосовъ въ общихъ
собраніяхъ всѣхъ членовъ касательно управленія и эксплуатаціи
общаго имущества¹⁾; Рѣшающіе голоса считаются здѣсь не по числу
лицъ, а по числу акцій: имѣющій большее число акцій обла-
даетъ и большимъ количествомъ голосовъ, (Jede Actie berechtigt
zu einer stimme),—и слѣдовательно, оказываетъ больше вліяніе
на ходъ дѣлъ акціонерной компаніи. Если же мы обратимъ вни-
маніе на то, что акціонерное товарищество имѣетъ нѣсколько
органовъ для управленія своими дѣлами, независимо отъ суще-
ствованія устава, схематически намѣчающаго поле дѣятельности
учрежденію, то окажется, что самому правленію (Vorstand) от-
межевана въ идеѣ ясно опредѣленная дѣятельность. Въ са-
момъ дѣлѣ, если въ общемъ собраніи голоса акціонеровъ имѣютъ
далеко не одинаковое значеніе, то на какомъ основаніи эта иму-

¹⁾ Jolly—das Recht der Actiengesellschaften in d Zeit. f. D. R. XI. § 317.
Brinckmann, Handelsr. § 59.
Bluntschli—D. Privatr. § 139.

щественная подкладка голосовъ отстываетъ по отношенію къ членамъ правленія, гдѣ принято рѣшать дѣла по простому большинству голосовъ (а не акцій). Подобное уклоненіе и можно объяснить особеннымъ характеромъ, выражающемся въ положеніи самыхъ членовъ правленія, которые представляются только повѣренными акціонеровъ¹⁾. Поле ихъ дѣятельности опредѣлено чрезвычайно точно: оно, вмѣстѣ съ возможностью постояннаго контроля со стороны другихъ органовъ, и составляетъ такую прочную гарантію правильности веденія дѣлъ самымъ правленіемъ.

Съ нашей точки зрѣнія кажется невыдержаннымъ самый способъ рѣшенія дѣлъ въ правленіяхъ акціонерныхъ компаній, въ силу котораго здѣсь имѣетъ полное значеніе рѣшеніе большинства, а не требуется единогласіе²⁾. Возникновеніе всякаго недоразумѣнія между членами правленія должно быть отнесено на счетъ неяснаго пониманія статей устава или опредѣлений общаго собранія акціонеровъ. Такое недоразумѣніе должно быть точнымъ образомъ разъяснено, или же въ случаѣ неуспѣшности достиженія единогласія путемъ разъясненія, должно быть внесено на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ, товарищества. Возраженіе, которое можно представить такому способу рѣшенія дѣлъ, заключающееся въ постановкѣ на видъ чрезвычайной медленности производствъ дѣлъ, ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что случаи недостиженія единогласія въ правленіи товарищества очень рѣдки, такъ какъ оно само играетъ пассивную роль, представляясь наличностью повѣренныхъ компаній, которыхъ дѣятельность очень ясно опредѣлена.

¹⁾ Въ Англій, какъ мы видѣли, это положеніе формулировано въ законодательныхъ опредѣленіяхъ.

²⁾ Такое же требованіе выражаетъ и наше русское законодательство Ст 2184. т. X. ч. 1.

Совѣмъ другое значеніе получаютъ представительствующіе органы въ учрежденіяхъ юридическихъ лицъ. Дѣятельность такихъ органовъ, съ внѣшней стороны укладывающаяся въ опредѣленные схематическія рамки, въ существѣ своемъ не поддается точному опредѣленію, такъ какъ она выражаетъ собою волю самостоятельнаго лица.

§ 4. Важнѣйшимъ критеріемъ раздѣленія юридическихъ лицъ является соображеніе характера ихъ внутренняго устройства. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ принимается раздѣленіе юридическихъ лицъ на *ordinatae et inordinatae universitates*. Раздѣленіе это имѣетъ существенную важность и не только на первый взглядъ, какъ это думаютъ нѣкоторые ученые¹⁾. Хотя впрочемъ поборники этого дѣленія юридическихъ лицъ не даютъ одинаковыхъ или даже однородныхъ основаній, объясняющихъ характеръ этого различія.

¹⁾ Pfeifer. *Lehre v. d. jurist. P.* § 79. Zitelmann § 39.

Не выдерживаетъ критики, встрѣчающееся въ ученой литературѣ дѣленіе юридическихъ лицъ на публичныя и частныя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить самое понятіе о юридическихъ лицахъ публичныхъ и частныхъ? Гдѣ искать важнѣйшіе признаки изъ различія? Публичными корпораціями (*öffentlichen Corporationen*), говорятъ нѣкоторые ученые будутъ тѣ установленія, которыя подъ непосредственнымъ государственнымъ контролемъ, помогаютъ самому государству осуществлять его задачи; въ противоположность этому первому роду юридическихъ лицъ, выставляють такъ называемыя частныя корпораціи (*Privatcorporationen*), которыя не отождествляютъ своей дѣятельности съ дѣятельностью государства, но преслѣдуютъ полезныя цѣли по свободному своему выбору.

Но уже бѣлаго взгляда достаточно, чтобы замѣтить всю несостоятельность подобнаго дѣленія юридическихъ лицъ: кромѣ крайней неопредѣленности признаковъ, входящихъ въ составъ опредѣленія, подобное раздѣленіе лишено юридическихъ основаній. Оно, наконецъ, свидѣтельствуетъ о чрезвычайно широкомъ пониманіи института юридическихъ лицъ.

Въ самой природѣ юридического лица *implicite* заложается его публичный характеръ. Задачи, преслѣдуемыя юридическимъ лицомъ, интересуютъ прежде всего членовъ учрежденія, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственный интересъ и для государства.

Савиньи¹⁾ понимаетъ подъ *universitates ordinatae* такія корпораціи, которыя имѣютъ искусственно установленную организацію (*eine künstlich ausgebildete Verfassung*); тѣже корпораціи, которыя имѣютъ устройство, только отвѣчающее практическимъ требованіямъ успѣшнаго осуществленія задачъ, называются *universitates inordinatae*. Примеромъ перваго рода юридическихъ лицъ, съ точки зрѣнія Савиньи, являются города, университеты, а втораго—сельскія общины, гильдіи. и проч.

Другіе писатели иначе объясняютъ основанія различія между *universitates ordinatae et inordinatae*.

Гёшенъ²⁾ подводитъ подъ понятіе *universitates ordinatae* тѣ корпораціи, которыя имѣютъ представителей.

Глюкъ³⁾ въ сущности вовсе не выставляетъ никакого принципа для различія юридическихъ лицъ въ вышеозначенномъ отношеніи. Онъ только описательно различаетъ корпораціи съ членами, пользующимися относительнымъ равноправіемъ и стоящими въ извѣстной степени административнаго подчиненія другъ къ другу.

Всѣ эти основанія, выставленныя учеными, не смотря на ихъ неопредѣленность (особенно Савиньи), показываютъ на то глубокое различіе въ характерѣ организаціи корпорацій съ опредѣленными органами и безъ этихъ органовъ управленія. Какъ кажется, нагляднѣе всѣхъ выразилъ разницу между *universitates ordinatae et inordinatae* Гёшенъ. Онъ уловилъ самый главный признакъ различія—существованіе или отсутствіе представителей у корпораціи. Въ дѣйствительности къ этому признаку сводится

1) Syst. II. 245.

2) Göschen-Vorlesung. I. 207.

3) Glück Comment. B. 1.496—ob einige Corporationsglieder eine mit Zwangsrechten versehen Direction und Gerichtsbarkeit über die andern haben oder nicht, und heissen die Corporationen der ersten Art. *universitates ordinatae*, die der Zweiten—*inordinatae*.

все разнообразіе въ устройствѣ юридическихъ лицъ, какъ *universitates ordinatae et inordinatae*.

Институтъ юридического лица для осуществленія своихъ правъ въ гражданскомъ быту естественно нуждается въ представителяхъ, какъ органахъ. Отсутствие представителей равносильно ограниченному въ правовомъ отношеніи существованію юридического лица, не имѣющаго возможности при такихъ условіяхъ стать органическимъ субъектомъ правоотношеній. Представитель корпораціи являясь самымъ совершеннымъ органомъ выраженія воли юридического лица вполнѣ отвѣчаетъ назначенію самаго института. Тѣ корпораціи, которыя подходятъ подъ понятіе *universitates inordinatae* (т. е. неимѣющія постоянныхъ, законныхъ представителей) представляются юридически неразвившимися. Представительство до такой степени тѣсно связано съ природой всякой корпораціи, что, въ строгомъ смыслѣ, безъ него фактически несмыслимо и существованіе этого учрежденія. Различіе между *universitates ordinatae et inordinatae* сводится собственно не къ существованію или отсутствію представителей у корпораціи, а къ большей или меньшей степени совершенства въ организаціи самаго представительства; такъ что, если съ формальной стороны корпорація и кажется существующей безъ представителей, въ дѣйствительности она вовсе не лишена этихъ послѣднихъ—вопросъ только въ томъ, являются ли они постоянными для всѣхъ случаевъ, какъ это бываетъ напр.; въ городскихъ корпораціяхъ, или же они выступаютъ только въ определенное время, когда этого требуетъ необходимость. Во всякомъ случаѣ надо согласиться, что *universitates inordinatae*, являясь менѣе совершенною формою корпоративнаго устройства, представляются вмѣстѣ съ тѣмъ примитивными видами юридическихъ лицъ; такъ что естественное развитіе устройства этихъ послѣднихъ высказывается всегда въ томъ, что они впоследствии обращаются въ *universitates ordinatae*. Правильность этого положенія

можно прослѣдить на развитіе государства, какъ самой древней формы юридическаго лица. Развитіе государственнаго общегитія въ этомъ отношеніи характеризуется постепеннымъ образованіемъ отдѣльныхъ представителей различныхъ частей государственнаго организма. Такимъ образомъ, если практика и дала бы намъ нѣсколько примѣровъ корпорацій, существующихъ безъ представительства, то подобные примѣры слѣдуетъ отнести на счетъ такого несовершенства въ ихъ организаціи, которое граничитъ съ полною невозможностью признать такіа корпораціи за юридическія лица. Но какова бы ни была организація представительства юридическаго лица, она никакимъ образомъ не вліяетъ на внутренній характеръ самаго представительства, какъ органовъ для выраженія воли отдѣльнаго субъекта. Уже одно это соображеніе достаточно показываетъ не одну только исполнительную роль представителей юридическаго лица или ихъ пассивный характеръ по отношенію къ образованію содержанія самой воли. Дѣятельность представительствующихъ органовъ хотя и находитъ для себя схематическое опредѣленіе въ уставѣ учрежденія, естественно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ укладываться въ опредѣленные рамки. Что же касается вліянія общихъ собраній членовъ корпораціи на представительствующіе органы, то оно носитъ на себѣ часто отрицательный характеръ, такъ какъ это вліяніе должно ограничиваться только однимъ выборомъ представителей и контролемъ надъ ихъ дѣйствіями. Подобное обстоятельство объясняется тѣмъ, что задачи, которыя преслѣдуетъ корпорація, одинаково интересуютъ весь паличный составъ членовъ, такъ что не встрѣчается ни малѣйшаго препятствія уполномочить на веденіе общихъ дѣлъ нѣсколькихъ отвѣтственныхъ передъ учрежденіемъ лицъ для достиженія возможной правильности въ отношеніи юридической жизни самого института. Такое широкое полномочіе представителей объясняется еще независимо отъ необходимости избѣгать медленности въ производствѣ дѣлъ,

возможностью поставить представителями наиболее опытных членов корпорации.

Нѣкоторые новѣйшіе писатели¹⁾ ставятъ общимъ правиломъ, что собранія членовъ корпорации являются постояннымъ органомъ для управленія общими дѣлами. Блунтчи²⁾ принимаетъ за органы великой корпорации общее собраніе членовъ, представителей, агентовъ и простыхъ исполнителей (Diener). Каждый изъ этихъ органовъ имѣеть, по мнѣнію этого писателя, соотвѣтственные функціи: „общее собраніе членовъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ и правоспособныхъ членовъ корпорации, которыхъ голоса въ отношеніи другъ къ другу совершенно равны. Рѣшеніе большинства присутствующихъ членовъ принимается за общее постановленіе, какъ это признавалось издавна и о совершенно естественнымъ основаніямъ. Компетенція общаго собранія распространяется на установленіе статутовъ, выборъ представителей, контроль этихъ послѣднихъ и на прекращеніе существованія корпорации; впрочемъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣятельность общихъ собраній ограничивается вмѣшательствомъ государства, какъ верховнаго блюстителя общественнаго блага. Представительствующіе органы, образовывающіеся путемъ выбора изъ наличнаго состава членовъ, вѣдаютъ текущія дѣла корпорации: совершенно самостоятельно управляютъ имущественными средствами, вносятъ проекты для обсужденія общихъ собраній членовъ, управляютъ ходомъ самихъ совѣщаній въ собраніяхъ и приводятъ въ исполненіе ихъ рѣшенія. Если представительство тоже состоитъ изъ вѣсколькихъ членовъ, то и здѣсь дѣла рѣшаются по большинству голосовъ“. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія Блунтчи воля общихъ собраній въ строгомъ смыслѣ слова ограничивается только выборомъ представителей и контролемъ надъ ними, такъ какъ сое-

¹⁾ Блунтчи, Вангеровъ и др.

²⁾ D. Privatr § 41.

тавленіе статутовъ корпораціи не зависить исключительно отъ воли этихъ собраний, а испытываетъ еще на себя вліяніе государственной власти; Но надо вспомнить, что Влунтчи, опредѣляя компетенцію представительствующихъ органовъ имѣетъ въ виду и тѣ фактическія соединенія лицъ, которыя не могутъ быть признаны за отдѣльныхъ субъектовъ правоотношеній; если же по отношенію къ образованію статутовъ этихъ соединеній вліяніе государства и можетъ ограничиваться однимъ контролемъ и являться вообще съ чисто отрицательнымъ значеніемъ, то по отношенію къ корпораціямъ дѣятельность государства въ дѣлѣ образованія статутовъ часто отличается положительнымъ характеромъ. И такъ, выдѣливши изъ компетенціи общихъ собраний функціи — образованія статутовъ и прекращенія корпораціи, мы распространимъ ее только на выборъ и контроль представительствующихъ органовъ. Поэтому въ тѣхъ корпораціяхъ, гдѣ есть представительствующіе органы и гдѣ дѣятельность этихъ послѣднихъ выражается правильно, тамъ общія собранія и не могутъ называться органомъ корпораціи, такъ какъ ихъ дѣятельность ограничивается учрежденіемъ представительства, а не представляетъ непосредственнаго выраженія воли корпораціи, какъ правоспособнаго субъекта, въ дѣлахъ управленія ¹⁾.

Если органъ корпораціи, какъ юридическаго лица, состоитъ изъ нѣсколькихъ физическихъ лицъ, то выраженіемъ воли этой корпораціи надо всегда считать рѣшеніе большинства. Непосредственное же выраженіе воли большинства наличныхъ членовъ корпораціи тѣмъ болѣе представляетъ волю цѣлой корпораціи, какъ юридическаго лица.

Съ этимъ принципомъ, принимаемымъ почти всеми писателями, однакожь, не соглашается Савиньи ²⁾ и Пфейферъ ³⁾.

¹⁾ Незначительность или обширность союза, составляющаго юридическое лицо нисколько не измѣняетъ характера компетенціи общихъ собраний а также значенія представительствующихъ органовъ.

²⁾ System. II. § 97.

³⁾ Lehr. v. d. j. pers. § 35.

Савинья вотъ какимъ образомъ мотивируетъ свои воззрѣнія: „поборники этого принципа, говоритъ онъ, выходятъ изъ того убѣжденія, что по отношенію къ корпораціямъ долженъ примѣняться или принципъ большинства или единогласія; основаніемъ такого убѣжденія ученыхъ служитъ смѣшеніе двухъ понятій—совокупности членовъ корпораціи и самой корпораціи, какъ самостоятельнаго субъекта. Кроме того, это убѣжденіе объясняется еще тѣмъ, что всѣ корпораціи считаются устроеными на демократическихъ началахъ, объясняется словомъ, идеей народного суверенитета, перенесенной изъ права публичнаго въ область права гражданскаго и примѣненной къ юридическимъ лицамъ. Но если для всѣхъ случаевъ мы предположимъ средоточіе власти въ рукахъ совокупности членовъ корпораціи, то этимъ самымъ мы ограничимъ кругъ юридическихъ лицъ лишь одними *universitates inordinatae*, такъ какъ по отношенію къ тѣмъ корпораціямъ, которыя подходятъ подъ понятіе *universitates ordinatae*, мы не можемъ сказать, что совокупность членовъ обладаетъ всей властью управленія дѣлами корпораціи, а представители ихъ являются только административными органами: одно устройство германскихъ городовъ, какъ корпорацій, доказываетъ, что въ силу муниципальной конституціи власть управленія городомъ дѣлилась между бургомистромъ, сенатомъ и представителями буржуазіи; кроме того, допущеніе простаго численнаго большинства для дѣйствительности опредѣленной корпораціи нарушается внутреннимъ различіемъ между самими членами, принадлежащими къ различнымъ классамъ, какъ это было напр. въ сельскихъ общинахъ въ Германіи. Наконецъ, невозможность согласиться съ писателями, принимающими принципъ большинства, объясняется еще трудностью сохранить постоянный составъ членовъ корпораціи и тѣмъ различіемъ, которое почти всегда существуетъ между численнымъ составомъ членовъ въ данную, настоящую эпоху и въ будущее время“.

Но едва ли можно придавать какое либо серьезное значение этому мнѣнію Савиньи: вся неубѣдительность его аргументаціи происходитъ съ одной стороны вслѣдствіе своеобразнаго взгляда на значеніе органовъ корпораціи, а съ другой вслѣдствіе основнаго взгляда Савиньи на юридическое лицо, какъ на лицо фиктивное, котораго представителемъ является вся совокупность членовъ. Такой взглядъ на всю совокупность членовъ корпораціи, естественно, никакъ не можетъ согласить относительнаго положеніе тѣхъ органовъ, которые образуются отдѣльными представителями и общихъ собраний. Что же касается соображенія, по которому простому численному большинству нельзя придавать рѣшающаго значенія по причинѣ внутренняго различія между членами корпораціи, принадлежащими къ различнымъ классамъ, то ему нельзя придавать никакого теоретическаго значенія; если же практика и представляетъ намъ примѣры подобнаго различія между членами корпораціи, то эти примѣры не должны оказывать никакого отрицательнаго вліянія на разбираемое нами положенію.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

На стра- ницѣ.	Въ строгѣ сверху.		
4	20	(Verein)	(Verein)
8	23	Zehre	Lehre
»	26	имущества!	имущество
9	13	Zehr	Lehr
»	34	rühende	ruhende
»	36	фактической	фактической
»	38	Uebasch	Uebersch
16	17	Слѣдовательно	Слѣдовательно
18	14	къ Stiftungen	Stiftungen
24	5	упраздненія	учрежденія
31	31	quamvis	quamvis